

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ПРЕЖДЕ
ЧЕМ
Я УСНУ

Лучший дебютный роман,
который я когда-либо читала.

Тесс Герритсен

С. ДЖ. УОТСОН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

С. Дж. Уотсон

Прежде чем я усну

«Азбука-Аттикус»

2011

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Уотсон С.

Прежде чем я усну / С. Уотсон — «Азбука-Аттикус»,
2011 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-17873-1

Каждое утро Кристин Лукас просыпается в незнакомой комнате, рядом с незнакомым мужчиной. Она смотрит на себя в зеркало и не узнает свое тело, ведь оно выглядит старше на двадцать лет. Каждое утро этот мужчина объясняет Кристин, что он ее муж Бен, а она страдает формой амнезии, при которой все старые воспоминания утрачены, а новые не сохраняются. По совету врача Кристин втайне от мужа начинает вести дневник и записывает в него все то, что ей удастся узнать и вспомнить в течение дня, стараясь воссоздать свое прошлое и тот роковой случай, который лишил ее памяти. Однажды утром она открывает дневник и видит, что написала три неожиданных и страшных слова: «Не верь Бену». Внезапно все, что сказал ее муж, кажется Кристин подозрительным. Какой несчастный случай вызвал ее состояние? Кому она может доверять? Почему Бен лжет ей?

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-17873-1

© Уотсон С., 2011
© Азбука-Аттикус, 2011

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	21
Пятница, 9 ноября	21
Суббота, 10 ноября	24
Понедельник, 12 ноября	37
Вторник, 13 ноября	46
Среда, 14 ноября	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

С. Дж. Уотсон

Прежде чем я усну

S. J. Watson

BEFORE I GO TO SLEEP

Copyright © 2011 by Lola Communications

This edition is published by arrangement with Conville & Walsh UK and Synopsis Literary Agency

All rights reserved

Серия «Звезды мирового детектива»

Перевод с английского Александры Финогеновой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

© А. С. Финогенова, перевод, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается моей матери и Николасу

*Я родился завтра,
сегодня я живу,
вчерашний день убил меня.*

Парвиз Озия

Часть первая

Сегодня

Я только что проснулась в чужой спальне. Я не понимаю, где я, как здесь очутилась, и пока не представляю, как доберусь домой.

Так... Понятно. Я провела здесь ночь. Разбудил меня женский голос. Сначала я подумала, что лежу в постели с женщиной, но потом сообразила, что это диктор читает новости, затем услышала радиобудильник, а когда открыла глаза, то увидела, где нахожусь. В совершенно незнакомой комнате.

Глаза привыкли, можно осмотреться; вокруг еще темно. На двери шкафа висит халат, вроде бы женский, но явно не для моего возраста; темные брюки аккуратно перекинута через спинку стула возле туалетного столика; остальное не разглядеть. Будильник выглядит мудрено, но, кажется, я нашла нужную кнопку. Все, стало тихо.

Только теперь я слышу за спиной чье-то сопение и понимаю, что я в кровати не одна. Голое плечо, темные волосы с сединой. Это мужчина. Его левая рука лежит поверх одеяла, на безымянном пальце я замечаю обручальное кольцо. Я с трудом подавляю стон. Господи, он не только старый, но еще и женат! Мало того что я переспала со стариком, так еще в его собственном доме на супружеском ложе. Я откидываюсь на спину, надо успокоиться. Какая же я дрянь!

Интересно, где его жена? Может, пора сваливать, чтобы не напороться на истерику? Так и вижу – стоит тетка в дверях и визжит: «Шлюха, шлюха... Змея, тварь продажная!» Не представляю, как я буду защищаться, если она появится, да и смогу ли. Впрочем, непохоже, чтобы мой любовник был обеспокоен. Вот повернулся на другой бок и храпит.

Я лежу почти не дыша. Обычно в таких случаях я помню, что произошло накануне, но на этот раз полный туман. Наверное, была вечеринка, а может, мы завалились в бар или клуб. Должно быть, я жутко надралась. До такой степени, что абсолютно ничего не помню. До такой степени, что отправилась домой к мужчине с волосатой спиной и обручальным кольцом на пальце.

Я осторожно откидываю одеяло и сажусь на самый край кровати. Мне нужно в туалет. Тапочки, стоящие рядом, я не надеваю: знаете, трахаться с чьим-то мужем – это одно, но влезать в чужую обувь – ни за что на свете! Босыми ногами ступаю на пол. Я совершенно голая, поэтому немного боюсь войти не в ту дверь, наткнуться на соседа или на сына-подростка, но, к счастью, вижу ванную, дверь открыта настежь. Я захожу и запираюсь изнутри.

Спускаю воду в туалете, поворачиваюсь к раковине, чтобы вымыть руки. Тянусь за мылом... Нет, что-то не так. Поначалу я даже не понимаю, в чем дело. Я вижу совершенно незнакомую руку. Кожа на руке морщинистая, пальцы толстые. Неухоженные, обкусанные ногти – и... надо же, на пальце точно такое же простое обручальное кольцо, как у мужика в постели.

На секунду я остолбенела, потом пошевелила пальцами. Ой, пальцы, которые держат мыло, тоже шевелятся. Я вскрикиваю, мыло падает в раковину. Поднимаю глаза к зеркалу.

Оттуда на меня смотрит чужое лицо. Жидкие волосы, стриженные намного короче, чем я люблю, щеки и кожа под подбородком обвисли, тонкие губы опустились уголками вниз. Я едва сдерживаю вопль животного ужаса – и наконец вижу глаза. Вокруг них морщинки. Но я безошибочно понимаю: да, это мои глаза. В зеркале я вижу саму себя, только старше лет на двадцать. Нет, на двадцать пять. Или больше.

Этого не может быть. Меня трясет, я хватаюсь за раковину. Невольный крик подкатывает к горлу и вырывается сдавленным всхлипом. Я отступаю назад, подальше от зеркала, и только

тут замечаю фотографии, прикрепленные к стене и к зеркалу. Одни – желтым скотчем, другие – бумажными стикерами, влажными, старыми, с загнутыми концами.

Мой взгляд падает на одну из фотографий. Она подписана «Кристин» – стрелка указывает на меня новую, то есть старую: я сижу на скамейке на набережной рядом с каким-то мужчиной. Имя мне знакомо, но как-то смутно, словно я должна «через силу» поверить, что это я. На снимке мы оба улыбаемся, держась за руки. Мой спутник видный, привлекательный, и, присмотревшись, я понимаю, что это тот самый мужчина, рядом с которым я проснулась, который так и спит в постели. Рядом подпись: «Бен» – и дальше: «Твой муж».

Я ловлю ртом воздух и хватаюсь за стену. «Нет! – проносится в голове. – Нет, этого не может быть!» Я быстро пробегаю глазами по остальным снимкам. На всех мы с ним вместе. Вот я в каком-то безвкусном платье снимаю упаковку с подарка, вот мы вдвоем в одинаковых ветровках стоим на фоне водопада, а у наших ног возится собачка. А вот я сижу с ним рядом, потягивая апельсиновый сок, в том самом халате, что видела в спальне.

Я продолжаю пялиться, пока не упираюсь спиной в холодную кафельную стену. И в этот миг у меня в голове проносится нечто похожее на воспоминание... Я пытаюсь ухватить его, но оно улечивается, как пепел на ветру. И тут я осознаю, что в моей жизни существует «тогда», «до», хотя я не могу сказать до чего, и «теперь», а между ними – лишь бездонная, безмолвная пустота, которая и привела меня сюда, в этот дом, к этому незнакомцу.

Я возвращаюсь в спальню. В руке у меня как улика одна из фотографий: на ней я вместе с мужчиной, рядом с которым проснулась.

– Что это значит?! – кричу я, слезы ручьем текут по лицу; мужчина садится в постели, глаза полуприкрыты. – Кто вы такой?

– Я твой муж, – произносит он сонным голосом, не обращая внимания на мою наготу; на лице ни тени волнения. – Мы женаты много лет.

– Что вы такое говорите? – Мне хочется бежать без оглядки, но некуда. – Лет? Каких еще лет?

Он встает с кровати.

– Держи. – Подает мне халат и ждет, когда я оденусь; на нем пижамные штаны, которые ему явно велики, и белая майка. Он смутно напоминает мне отца. – Мы поженились в восемьдесят пятом. Двадцать два года назад. Ты...

Я не даю договорить:

– Что?! – Кровь приливает к лицу, комната начинает кружиться. Тиканье часов где-то в доме отдает ударами молота. – Но... – (Он делает шаг мне навстречу.) – Как же?..

– Кристин, тебе сорок семь лет.

Я смотрю на него, и этот незнакомый мужчина мне улыбается. Я не хочу ему верить, я не хочу даже слышать, что он говорит. Но он продолжает:

– С тобой произошел несчастный случай. Очень серьезный. Ты получила травму головы. И теперь не можешь вспомнить многие вещи.

– Какие вещи? – говорю я. – Что, за все двадцать пять лет?!

Он делает еще один шаг, приближаясь ко мне, как к испуганному животному.

– Да почти всю жизнь, – говорит мужчина. – Ты помнишь себя лет до двадцати. А порой и того меньше.

В голове ураган, проносятся какие-то цифры, даты... Мне не хочется задавать этот вопрос, но я понимаю, что должна:

– Когда... Когда это случилось?

Он смотрит на меня, на его лице смесь сострадания и отчаяния.

– Тебе было двадцать девять...

Я закрываю глаза. Сознание отказывается воспринимать эту информацию, но где-то в глубине души я знаю, что это правда. Сама того не желая, я вновь начинаю плакать, и он, этот Бен, тоже. По-прежнему стоя на пороге, я слышу, как он приближается. Вот он совсем близко, и я не отталкиваю его, когда он обнимает меня и крепко прижимает к себе. Мы стоим обнявшись и тихонько покачиваемся, и это движение какое-то родное. Мне становится немного лучше.

– Я люблю тебя, Кристин, – говорит мужчина.

Я знаю, что должна сказать: «И я тебя», но не могу. Я ничего не говорю. Какая тут может быть любовь? Он мне чужой. В голове хаос, нужно столько всего понять. Например, как я здесь очутилась, как живу изо дня в день? Но я не знаю, как спросить.

– Мне страшно, – говорю я.

– Знаю, – отвечает мужчина. – Знаю. Не волнуйся, Крис. Я с тобой. Я всегда буду с тобой. Все будет хорошо, поверь мне.

Он предлагает мне осмотреть дом. Я почти успокоилась. Надеваю короткие спортивные штаны и старую футболку, а он накидывает мне на плечи халат. Мы выходим на лестничную площадку.

– Ванную ты уже видела, – говорит он и открывает еще одну дверь. – А вот кабинет.

В комнате стеклянный стол, на котором стоит вроде бы компьютер, но до смешного маленький, похожий на игрушечный. Рядом металлический шкаф с ящиками, прямо над ним – доска для записей. Все в полном порядке, на своих местах.

– Время от времени я здесь работаю, – говорит Бен и закрывает дверь.

Мы пересекаем лестничную площадку, и он открывает другую дверь. Кровать, туалетный столик, шкафы с одеждой. Комната почти в точности повторяет ту, в которой я проснулась.

– Ты иногда спишь здесь, – говорит Бен. – Когда тебе хочется. Но вообще-то, ты не любишь просыпаться в одиночестве. Ты не понимаешь, где находишься, и пугаешься.

Я киваю. Ощущение, будто я пришла осматривать квартиру, которую собираюсь снять. А это мой будущий сосед.

– Пойдем вниз.

Я иду за ним. Он показывает гостиную, коричневый диван и такие же кресла, плоский экран на стене (он мне объясняет, что это телевизор), затем столовую и кухню. Я абсолютно ничего не узнаю. Даже когда вижу нашу с ним фотографию в рамке на стене.

– У нас там сад, – сообщает Бен, и я пытаюсь что-то рассмотреть сквозь стеклянную дверь, ведущую из кухни наружу.

Только-только светает, ночное небо становится чернильно-синим, и я различаю лишь огромный силуэт дерева и подобие навеса в дальнем конце небольшого сада. Я вдруг понимаю, что не знаю даже, в каком уголке планеты нахожусь.

– А где мы живем?

Он стоит позади меня. Я вижу наши отражения в стекле. Я. Мой муж. Оба не первой молодости.

– В Северном Лондоне. Крауч-Энд, – отвечает он.

Я невольно делаю шаг назад:

– Господи! Я даже представления не имею, где живу...

– Ну-ну, успокойся. – Он берет меня за руку. – Все уладится.

Я резко поворачиваюсь к нему, жду, что он сейчас объяснит, как именно все уладится.

– Сделать тебе кофе?

Меня передергивает от неожиданности, но я отвечаю:

– Да, спасибо. – (Он наливает в чайник воды.) – Черный, без сахара.

– Я знаю, – улыбается он. – Может, тост?

Я соглашаюсь. Должно быть, он много знает обо мне, но мне все равно кажется, что я проснулась в чужом доме и собираюсь завтракать с незнакомцем в надежде улучшить удобный момент, чтобы попрощаться и поехать домой.

Все так, да не так. Похоже, это действительно *мой* дом.

– Я, пожалуй, присяду.

– Тогда иди в гостиную, там удобнее, – говорит Бен. – Я сейчас сам все принесу.

Я послушно иду.

Почти сразу появляется Бен. Дает мне скрап-альбом.

– Это твой альбом. Наверняка поможет. – (Дерматиновая обложка, довольно топорно имитирующая старую кожу, бесхитростно перевязана красной ленточкой.) – Я скоро.

Я сижу на диване. Альбом лежит на коленях непривычным грузом. У меня такое чувство, будто я лезу в чужую тайну. Но я говорю себе: что бы ни находилось внутри, этот альбом вручил тебе твой муж.

Развязываю ленту и открываю где-то в середине. Фотография: мы с Беном, гораздо моложе, чем сейчас.

Я с силой захлопываю альбом. Нервно глажу переплет, пролистываю насквозь. *Я должна заполнять его каждый день.*

Невозможно представить. Я уверена, это какая-то чудовищная ошибка, и все же ошибки нет. Вот она, правда – в зеркале наверху, в морщинистых руках, которые поглаживают сейчас альбом. Оказывается, я совсем не та, какой себя представляла, проснувшись утром.

Но кто же это был? Кто та женщина, которая проснулась в незнакомой постели и думает только о том, как сбежать? Я закрываю глаза. Меня словно уносит поток. Не за что ухватиться. Я чувствую потерянность.

Надо найти зацепку. Я изо всех сил пытаюсь сосредоточиться на чем-нибудь определенном, значительном. Потеряно так много лет моей жизни.

Альбом поможет мне понять, кто я на самом деле, но я не хочу открывать его. Не сейчас. Хочу немного посидеть просто так, без прошлого, точнее, с прошлым, которое погрузилось в туман. Побывать где-то между возможным и реальным. Я боюсь узнать свое прошлое. Узнать, что у меня было и чего не было.

Входит Бен, ставит на столик поднос. Тосты, две чашки кофе, молочник.

– Все нормально? – спрашивает он, и я киваю.

Он садится рядом. Уже выбритый, в брюках, рубашке и галстук он больше не напоминает мне отца. Скорее работника банка или офиса. «А он ничего», – проносится мысль, но я гоню ее прочь.

– И что, так каждый день? – спрашиваю я.

– В целом да. – Он берет тост, намазывает маслом. – Хочешь? – Я мотаю головой, и он откусывает кусочек. – Обычно ты все помнишь, пока бодрствуешь, но во время сна почти все забываешь... Кофе вкусный?

Я говорю, что очень. Он берет у меня альбом.

– Это что-то вроде твоего дневника. Несколько лет назад у нас случился пожар, сгорело много фотографий, других вещей. Но кое-что сохранилось. – Он показывает на первую страницу. – Это твой диплом. И твоя фотография в день окончания учебы.

Я рассматриваю фотографию. Я на ней улыбаюсь, шурясь на солнце, на мне черная мантия и фетровая шляпа с золотой тесьмой. Сзади меня, отвернувшись от камеры, стоит какой-то мужчина в костюме с галстуком.

– Это вы? – спрашиваю я.

– Нет, – улыбается он, – мы разного выпуска. Я тогда еще продолжал учебу. Химия.

Я поднимаю на него глаза:

– Когда мы поженились?

Он поворачивается ко мне, берет руку в свои ладони, и я поражена тем, какие у него мозолистые, немолодые руки, совершенно непривычное ощущение.

– Через год после того, как ты защитила докторскую. Мы встречались уже несколько лет, но ты, ну, мы оба считали, что надо подождать, когда ты закончишь учебу.

Что ж, разумно, хотя это решение, по-видимому, исходило от меня. А хотела ли я вообще выходить за него?

– Мы были без ума друг от друга, – сказал он, словно читал мои мысли. – И до сих пор без ума.

Я не знаю, что на это ответить. Улыбаюсь. Он делает глоток кофе и снова обращает внимание на альбом, который лежит у него на коленях, переворачивает несколько страниц.

– Ты занималась английской филологией, – продолжает он. – После окончания учебы сменила несколько работ. Секретарь, менеджер по продажам... По-моему, ты сама не понимала, чем хочешь заниматься. Я получил диплом бакалавра и учился, чтобы стать преподавателем. Несколько лет было тяжело, но потом дела у меня пошли в гору, и в результате мы живем, как живем.

Я осматриваю гостиную. Комфортно, стильный дизайн. Преуспевающий средний класс. Над камином картина в раме, лесной пейзаж. На каминной полке рядом с часами – фарфоровые фигурки. Интересно, участвовала ли я в выборе интерьера?

– Я преподаю в средней школе в этом районе. Сейчас я завуч, – говорит Бен, но в его голосе ни тени гордости.

– А я кем работаю? – задаю я вопрос, хотя на самом деле знаю единственно возможный ответ.

Он сжимает мою руку:

– Ты оставила работу. После несчастного случая. Ты не работаешь. – И, видно почувствовав мое огорчение, добавляет: – Тебе и не нужно. Я неплохо зарабатываю на двоих, у нас все есть. Мы хорошо живем.

Я закрываю глаза, кладу руку на лоб. С меня довольно, я хочу, чтобы он заткнулся. Больше информации мне не переварить, и если он не замолчит, я в конце концов взорвусь.

«Что же я делаю целый день?» – вертится на языке, но мне страшно услышать ответ, а потому предпочитаю промолчать.

Бен доел тост и отнес поднос на кухню. Вернулся уже в пальто.

– Мне пора на работу. – (Я почувствовала беспокойство.) – Не волнуйся. Я тебе позвоню. Обещаю. Просто помни: сегодня такой же день, как и вчера. Все будет в порядке.

– Но... – начинаю я.

– Извини, пора бежать, – перебивает он. – Да, перед уходом мне надо объяснить тебе кое-что.

Мы идем на кухню, и он показывает, где что лежит, что в холодильнике можно съесть на обед, а еще пластиковую доску на стене, к которой на леске подвешен черный маркер.

– Я пишу для тебя напоминки, – говорит он.

На доске одинаковыми ровными буквами написано: *Пятница* и ниже: *Стирка? Прогулка? (Взять телефон!) ТВ?* Под словом *Ланч* Бен написал, что в холодильнике есть немного лосося, и добавил: *Салат?* В конце приписал, что будет дома к шести.

– Еще у тебя есть ежедневник, – говорит он. – В сумочке. Там в конце важные номера телефонов и наш адрес, на случай если ты потеряешься. И еще мобильный.

– Что?

– Телефон. Только без проводов. Его можно носить с собой и пользоваться вне дома, где угодно. Обязательно возьми его, если решишь куда-нибудь пойти.

– Хорошо, – произношу я.

– Отлично! – Мы идем в прихожую, он берет поношенный кожаный портфель. – Ну все, я пошел.

– Ладно, – говорю я, не зная, что еще сказать.

Ощуаю себя ребенком, которого родители, уходя на работу, оставляют дома одного. Кажется, сейчас услышу: «Ничего не трогай! И не забудь принять лекарство!»

Он подходит и целует меня в щеку; я не отстраняюсь, но и не целую его в ответ. Он собирается открыть дверь и вдруг оборачивается.

– Ой, чуть не забыл! – слишком громко произносит он, причем с неестественно радостной интонацией.

Пожалуй, он переигрывает. Очевидно, он заранее приготовил этот маленький спектакль.

Все оказалось гораздо проще, чем я думала.

– Мы сегодня вечером уезжаем, – говорит Бен. – На выходные. У нас ведь годовщина, и я решил забронировать кое-что. Ты не против?

– С удовольствием, – киваю я.

Он улыбнулся как будто с облегчением:

– Я уже жду не дождусь. Подышим морским воздухом, а? Это пойдет нам на пользу. – Он поворачивается к двери. – Я позвоню тебе попозже. Проверить, как дела.

– Да, – отвечаю я. – Позвони, пожалуйста.

– Я люблю тебя, Кристин. Всегда помни об этом.

Он закрывает за собой дверь. Я возвращаюсь в гостиную.

Немного позже, около полудня. Я сижу в кресле. Посуда вымыта, тарелки аккуратно стоят в сушке. Белье крутится в машине. Я придумала, чем себя занять.

Но сейчас я чувствую опустошенность. Бен сказал правду. У меня нет памяти. Ничего не помню. В доме нет ни единой вещи, которую я бы помнила. Даже фотографии – ни вокруг зеркала, ни в альбоме – не вызывают никаких ассоциаций, и с Беном у меня не связано никаких воспоминаний, не считая нашего утреннего общения. Как будто моя память стерта.

Я закрываю глаза, пытаюсь вызвать что-нибудь из небытия. Хоть что-нибудь. Вчерашний день. Прошное Рождество. Любое Рождество. Свою свадьбу. Ничего.

Встаю, брожу по дому. Из комнаты в комнату. Медленно, словно дрейфуя. Веду рукой по стенам, по столам, по изгибам мебели... Но на самом деле ничего не ощущаю. *Как же так получилось?* Я размышляю. Рассматриваю ковры, разноцветные половички, фарфоровые фигурки на каминной полке, коллекцию декоративных тарелок на стене в кухне. Пытаюсь внушить себе, что это мое. Все это – мой дом, мой муж, моя жизнь. Но нет, это не принадлежит мне. Открываю шкаф в спальне, в нем висит незнакомая мне одежда – аккуратно, словно пустая оболочка некой женщины-невидимки. Женщины, в дом которой я проникла, попользовалась мылом и шампунем, надела халат и тапочки. Она затаилась во мне, как призрак, холодный и неприступный. Утром я со странным чувством перебирала белье в ящике, рассматривала трусы, лежавшие вперемешку с колготками и чулками, как будто боялась, что меня застукают. Когда я обнаружила в глубине шелковые трусики, колготки и чулки, мне стало ужасно неловко: такое белье покупают не только для себя. Наконец, положив все обратно в том же виде, я выбрала бледно-голубые трусики и подходящий лифчик, натянула плотные колготки, надела брюки и блузку.

Потом я села за туалетный столик, чтобы хорошенько рассмотреть свое лицо. Я осторожно подняла глаза на отражение в зеркале. Я разглядывала морщины на лбу и мешки под глазами, улыбнулась, увидела свои зубы, тонкие морщинки в уголках рта, «птичьи лапки» вокруг глаз. Я заметила пигментные пятна на коже, а на лбу странное бледное пятно, напоминающее не до конца прошедший синяк. Я нанесла немного тонального крема. Потом чуть-чуть пудры и румян. Мне представилась женщина – моя мать, как я понимаю, называвшая это боевой рас-

краской. И сегодня, после того как я накрашила губы и ресницы, это выражение было точно к месту. Я действительно ощущала, что готовлюсь к некой битве или битву готовят для меня.

Отправить меня в школу. Сесть и накраситься. Я пытаюсь представить еще какие-нибудь действия мамы. Но безрезультатно. Только какое-то марево, бездонные провалы между крохотными островками воспоминаний, годы, ушедшие в никуда.

В кухне я открываю шкафчики: упаковки пасты, пачки риса «Арборио», банки фасоли. Я не знаю этих марок. Я помню, как ела тост с сыром, рыбу на пару, сэндвичи с солониной. Я беру наугад банку с надписью «Молодой горошек» и пакетик с каким-то кускусом. Понятия не имею, что там внутри, и уж тем более – как это готовить. Как я выкручиваюсь, хозяйка дома?

Смотрю на чистую доску, которую показал перед уходом Бен. Слишком много слов было на ней написано, стерто, написано поверх, исправлено, и от каждого остался еле заметный след. Интересно, что я прочитала бы, если бы «вскрыла» все слои, до самого начала, расшифровав таким образом свое прошлое, но понимаю, что это ничего не дало бы. Уверена, я бы обнаружила краткие напоминания да списки покупок и домашних дел.

Неужели это вся моя жизнь? И это все, что у меня есть? Я беру фломастер и пишу: *Упаковать дорожную сумку к вечеру?* Ничего выдающегося, зато надпись моя.

Послышался какой-то звук. Мелодия. Прямо из моей сумочки. Открываю ее и высыпаю все содержимое на диван: кошелек, пачка салфеток, ручки, помада, компактная пудра, чек за два кофе... И ежедневник. Размером с ладонь, на обложке – цветочный орнамент, в переплет вставлена ручка.

Нахожу телефон, который, как я понимаю, описывал Бен: он маленький и пластиковый, какой-то игрушечный. Звенит звонок, мигает экран. Я нажимаю, как мне кажется, на нужную кнопку.

– Алло, – говорю я.

Мне отвечает незнакомый мужской голос:

– Алло. Кристин? Это Кристин Лукас?

Мне не хочется отвечать. Фамилия звучит для меня так же незнакомо, как и имя. Мне вдруг кажется, что небольшой участок твердой почвы, который я обрела, превратился в зыбучий песок.

– Кристин, вы меня слышите?

Кто это может быть? Кто знает, где я и кто я такая? Но я понимаю: это может быть кто угодно. Чувствую, как мной овладевает паника. Палец тянется к кнопке, чтобы выключить телефон.

– Кристин, это я, доктор Нэш. Ответьте, пожалуйста.

– Кто это? – спрашиваю я, хотя имя мне незнакомо.

Человек отвечает уже по-другому, как будто с облегчением:

– Это доктор Нэш, я ваш врач.

Я снова напрягаюсь.

– Врач? – Мне хочется добавить, что я не больна, но даже в этом я не уверена. У меня вдруг резко начинает кружиться голова.

– Да, – говорит мужчина. – Вы не волнуйтесь, мы пытаемся разбудить вашу память. Все хорошо.

Я отмечаю, что он говорит в настоящем времени – «пытаемся». Значит, это еще один человек, которого я не помню.

– Что значит *пытаемся*?

– Мы вместе хотим достигнуть улучшения. Понять, что конкретно вызвало провалы в вашей памяти, и можем ли мы повлиять на это состояние.

Вроде все логично, хотя у меня тут же возникает новая мысль: почему Бен не упомянул о враче сегодня утром?

– Вот как? А что именно мы делаем? – спрашиваю я.

– Мы с вами регулярно встречаемся уже несколько недель. Приблизительно раза два в неделю.

Звучит неправдоподобно. Человек, с которым я якобы встречаюсь регулярно, но которого совершенно не помню.

Простите, но мы с вами не знакомы, хочется мне ответить. Я не знаю, кто вы такой.

Но я молчу. То же самое я могла бы сказать и мужчине, рядом с которым проснулась, а ведь он оказался моим мужем.

– Я вас не помню.

– Не волнуйтесь, я это знаю, – произносит он с особой мягкостью.

Если он говорит правду, то, должно быть, действительно все понимает. Он утверждает, что наша очередная встреча назначена на сегодня.

– Сегодня?! – восклицаю я и снова вспоминаю утренний разговор с Беном, список намеченных дел на доске в кухне. – Но мой муж ничего мне не сказал. – И тут понимаю, что впервые назвала Бена своим мужем.

Пауза. Затем доктор Нэш говорит:

– Боюсь, Бен не знает о наших встречах.

Я, конечно, замечая, что он знает имя моего мужа.

– Как это может быть?! Он бы обязательно предупредил меня.

– Пожалуйста, поверьте мне, – просит доктор Нэш и вздыхает. – Я могу все объяснить вам при встрече. Мы с вами достигли больших успехов.

«При встрече». Интересно, как это возможно? Сама мысль о выходе из дому без Бена, даже если этот врач знает, где я живу и кто я, внушает мне ужас.

– Простите, но я не могу.

– Кристин, это важно. Если вы посмотрите в ежедневник, то убедитесь, что я говорю правду. Вы нашли его? Он должен быть в вашей сумочке.

Я беру книжку из кучи вещей на диване. На обложке с цветочным орнаментом золотыми буквами отпечатан год: 2007. И это повергает меня в шок. На двадцать лет позже, чем надо.

– Нашла.

– Посмотрите на сегодняшнюю дату, тридцатое ноября. Там запись о нашей встрече.

Я не понимаю, как сегодня может быть ноябрь, а завтра декабрь, но листаю тонкие, как папиросный лист, странички до нужной даты. Вижу между страницами обрывок бумаги, на котором незнакомым почерком написано: *30 ноября – встреча с д-ром Нэшем*. И ниже: *Не говорить Бену*. Интересно, видел ли это Бен, роется ли он в моих вещах?

Нет, решаю я, с какой стати! Остальные страницы пустые. Ни дней рождений, ни вечерних планов, ни гостей. Неужели здесь вся моя жизнь?

– Хорошо, – говорю я.

Доктор сказал, что заедет за мной, что он знает адрес и будет через час.

– Но мой муж...

– Не бойтесь. Вы вернетесь домой задолго до его прихода. Гарантирую.

Бьют часы на каминной полке, я оборачиваюсь. Они под старину – большой циферблат в деревянном ящике, римские цифры. На часах половина двенадцатого. Рядом лежит маленький серебряный ключик, видимо от них. Бен должен заводить часы каждое утро. Они действительно старые, даже интересно, откуда они у нас появились. А может, у них нет никакой истории, во всяком случае, связанной с нами, а мы просто увидели их на рынке или в комиссионном магазине и одному из нас они приглянулись. Скорее всего, Бену, тут же решаю я. Мне эти часы не нравятся.

Ладно, думаю я, увижусь с ним, а вечером, как только Бен вернется домой, все ему расскажу. Не могу поверить, что скрываю от него нечто настолько важное. Учítывая, как сильно я сейчас от него завишу.

Однако голос доктора Нэша мне странным образом знаком. И в отличие от Бена он не кажется абсолютно чужим. Более того, я понимаю, что мне легче поверить ему, чем своему мужу.

Он сказал: «Мы с вами достигли больших успехов». Я должна узнать, что он имеет в виду.
– Хорошо, – говорю я. – Приезжайте.

Доктор Нэш сразу предложил пойти куда-нибудь выпить кофе: «Вы не против?» Он сказал, что нет смысла ехать обратно к нему в офис – мол, он просто хочет поговорить.

Я киваю, соглашаясь. Когда он приехал, я была в спальне и видела оттуда, как мужчина вышел из машины, пригладил волосы, одернул пиджак, подхватил портфель. «Нет, это не он», – подумала я, когда он кивнул грузчикам неподалеку, но вот он направился к нашему дому. Какой молодой, слишком молодой для врача! А еще... не ожидала, что он будет так одет: спортивная куртка и серые вельветовые брюки.

– В конце улицы начинается парк, – говорит он. – Кажется, там есть кафе. Можем пойти туда.

Мы идем рядом. Очень холодно, и я плотнее заматываю шарф. Я радуюсь мысли, что у меня в сумочке лежит мобильный телефон, который дал Бен. Очень хорошо, что доктор не вынудил меня куда-то с ним ехать. С одной стороны, я почему-то верю этому человеку, но с другой, и это серьезнее, внутренний голос кричит изо всех сил: ты доверилась первому встречному. Незнакомцу!

Конечно, я взрослый человек. Но... неполноценный. И доктору Нэшу ничего не стоило бы увезти меня куда угодно, хотя я и не знаю, чего он от меня хочет. Я беззащитна, как дитя.

Мы доходим до перекрестка и ждем, чтобы перейти через дорогу в парк. Молчание становится тягостным. Я хочу дождаться, пока мы не присядем, но неожиданно для себя выпа-ливаю:

– Простите, а какая у вас специализация? Чем вы занимаетесь? Как вы меня нашли?

– Я нейропсихолог, – с улыбкой говорит он (*неужели я задаю этот вопрос при каждой встрече?!).* – Я занимаюсь пациентами с мозговыми расстройствами, особенно меня интересуют некоторые новейшие функциональные методики нейровизуализации. Довольно долго я был увлечен изучением того, как действует память. О вашем случае я читал в медицинских журналах, и мне удалось выйти на ваш след. Это было несложно.

Выехавшая из-за поворота машина приближается к нам.

– Из журналов?

– Да. О вас опубликовано несколько исследований. Я связался с учреждением, где вы проходили лечение, прежде чем вернулись домой.

– Вот как? Но зачем вы искали меня?

– Потому что хотел помочь вам, – снова улыбается он. – Я немного работал с пациентами, страдающими подобного рода расстройствами. И уверен, им можно помочь, хотя, конечно, терапия должна проводиться чаще, чем час в неделю. У меня появились идеи о том, как добиться по-настоящему заметных улучшений, и я хотел применить их на практике. – (Пауза.) – Кроме того, я пишу исследование о вашем случае. Это будет такая сенсация! – Он начинает смеяться, но тут быстро затих, увидев, что мне не до смеха, и кашлянул. – У вас редкий случай. Я уверен, мы сможем выявить гораздо больше о механизмах работы памяти, чем знаем сегодня.

Машина проезжает, и мы переходим дорогу. Мне вдруг становится неуютно, тревожно. *Расстройства. Исследования. Вышел на ваш след.* Я стараюсь дышать ровно, успокоиться, но

тицетно. В моем теле словно две женщины: одной сорок семь, она уравновешенная, воспитанная, знает, как подобает себя вести, а как нет, а другой чуть больше двадцати, и она вопит от отчаяния. Я не могу решить, какая из них – я, но поскольку крика не слышно, лишь шум дороги вдалеке да гомон детей в парке, то, вероятно, верен первый вариант.

Ступив на тротуар, я останавливаюсь и спрашиваю прямо:

– Что со мной происходит? Я просыпаюсь утром в незнакомом доме, но оказывается, он мой. Рядом незнакомый мужчина, который утверждает, что мы с ним женаты много лет. А теперь появились вы – и, похоже, знаете обо мне больше, чем я сама!

– У вас амнезия, – медленно кивает он и чуть сжимает мне руку пониже плеча. – Уже давно. Вы не способны удерживать новые впечатления, то есть вы практически не помните событий большей части вашей взрослой жизни. Вы просыпаетесь каждое утро в уверенности, что вы юная девушка. А иногда – что вы ребенок.

Слышать это от него почему-то особенно тяжело.

– Выходит, все это правда?

– Боюсь, что да. Мужчина, с которым вы живете, Бен, действительно ваш муж. Вы вместе много лет. Вы поженились задолго до начала вашей болезни. – (Я киваю.) – Ну что, идемте?

Я не возражаю. Мы входим в парк. Дорожка идет вдоль ограды, неподалеку детская площадка – рядом с павильоном, откуда вереницей появляются люди с подносами. Мы подходим ближе, доктор Нэш идет за напитками, а я сажусь за один из облупленных пластиковых столиков.

Доктор возвращается с двумя бумажными стаканчиками с кофе: мне черный, себе с молоком. Он кладет в свой стаканчик сахар из сахарницы на столе, но мне не предлагает, и именно это сильнее всего остального убеждает меня: мы уже встречались. Он смотрит на меня и спрашивает, откуда у меня синяк на лбу.

– Что?.. – начинаю я, но вспоминаю: да, утром в зеркале я видела синяк; как видно, тональный крем его не скрыл. – Что? А-а, не помню. Так, ерунда. Он не болит. – (Доктор молчит, помешивая кофе.) – Вы говорили, с тех пор, как это случилось, за мной ухаживал Бен?

– Да, хотя не все время. Поначалу ваше состояние было настолько нестабильным, что вы нуждались в круглосуточном наблюдении. Бен забрал вас относительно недавно, только когда наступило улучшение и стало понятно, что он может ухаживать за вами самостоятельно.

Ага, значит, мое теперешнее состояние – это «улучшение». Я даже рада, что не помню то время, когда все было плохо.

– Наверное, он меня действительно очень любит, – говорю я, обращаясь скорее к себе, чем к доктору.

Он кивает. Оба молчим, потягивая кофе.

– Да, должно быть, очень.

Я улыбаюсь и опускаю глаза: вижу свои руки, сжавшие стаканчик с кофе, золотое кольцо на безымянном пальце, короткие ногти, скромно скрещенные ноги. Я не узнаю собственного тела.

– А почему мой муж не знает о наших встречах?

Нэш вздыхает и закрывает глаза.

– Буду откровенен, – он стискивает руки и наклоняется ко мне, – я сам попросил вас не говорить Бену, что мы встречаемся.

Меня молнией пронзает страх. И все же этот человек внушает мне доверие.

– Продолжайте, – прошу я.

Так хочется верить, что он в силах мне помочь.

– Дело в том, что к вам с Беном периодически обращались специалисты: врачи, психиатры, психологи, предлагая свою помощь. Но Бен упорно не хотел никого к вам подпускать. У него была ясная позиция: вы уже проходили курс интенсивной терапии, по мнению Бена не

принесшей никаких результатов, кроме страданий. Вполне естественно, что он хотел оградить вас, а заодно и себя от новой боли.

Так, похоже, он не хочет слишком меня обнадеживать.

– Значит, вы убедили меня встретиться с вами втайне от него?

– Да. Сначала я обратился к Бену. Мы говорили по телефону. Я даже просил его о встрече, чтобы объяснить, что я могу сделать, но он мне отказал. Поэтому я связался с вами напрямую.

Меня снова охватил внезапный жуткий страх.

– Каким образом?

Он уткнулся взглядом в свой кофе:

– Я ждал у вашего дома. Подождал, когда вы выйдете из дому, и представился.

– И что? Я так сразу согласилась?

– Не сразу, нет. Мне пришлось постараться, чтобы убедить вас, что мне можно доверять. Я предложил, чтобы мы встретились только один раз, для единственного сеанса. И что самое главное – втайне от Бена. Я сказал, что объясню, почему мне так важно встретиться с вами и что я собираюсь вам предложить.

– И я согласилась...

Он быстро взглянул на меня:

– Да. Я сказал вам, что после нашей первой встречи вы можете решить – без всяких угрызений совести – рассказать Бену об этом или нет, но если вы решите не рассказывать, то я позвоню, чтобы убедиться, что вы помните о наших встречах.

– И я решила не рассказывать.

– Да. Вот именно. Вы говорили, что хотите дождаться каких-то результатов, прежде чем открыться ему. Вам казалось, так будет лучше.

– Ну и как?

– Что?

– Есть ли результаты?

Он делает очередной глоток кофе, ставит стаканчик на стол:

– Да, по-моему, явные. Хотя оценить их, строго говоря, довольно трудно. Но похоже, за последнее время к вам вернулся целый пласт воспоминаний, причем многое вы вспомнили впервые, насколько нам известно. И некоторые вещи вы помните четче по сравнению с недавним прошлым. К примеру, теперь вы нередко просыпаетесь, помня, что вы замужем. А еще... – Он замолкает.

– Что?

– Полагаю, вы ощущаете, что становитесь независимой.

– Независимой?

– Да. Вы больше не полагаетесь во всем на Бена или на меня, как было раньше.

Ага, вот в чем дело. Вот что он имеет в виду, говоря о результатах. Независимость. Может, он просто имеет в виду, что я могу сходить в магазин или в библиотеку без сопровождения, хотя в данный момент я бы не стала это утверждать. В любом случае лично я не считаю, что мне есть чем похвастаться перед мужем. Что там говорить, если, проснувшись, я даже не всегда помню, что он мой муж.

– И все?

– Это важное ощущение, – говорит доктор Нэш. – Не стоит его недооценивать, Кристин.

Я не отвечаю. Отпиваю еще кофе, оглядываюсь вокруг. Кафе почти опустело. Доносятся голоса из кухни, иногда шум воды, вскипающей в кофейнике, гомон детей вдалеке. Как трудно поверить, что парк находится так близко от моего дома, а я, хоть убей, не помню, чтобы когда-то здесь была.

– Вы сказали, мы встречаемся несколько недель. Чем именно мы занимаемся?

– Вы помните что-нибудь о предыдущих сеансах? Хотя бы немного?

– Нет, – отвечаю я. – Ничего. Я искренне считаю, что вижу вас впервые в жизни.

– Извините, что спросил, – смущается он. – Как я говорил, у вас бывают вспышки воспоминаний. Похоже, в какие-то дни вы помните больше, чем в другие.

– Я не понимаю. Выходит, я абсолютно не помню, чтобы мы с вами встречались, не помню, что случилось вчера, позавчера, в прошлом году. Но я способна воспроизвести события далекого прошлого. Из детства. Я помню мать. Помню университет, правда немного. Я не понимаю, каким образом могли сохраниться эти воспоминания, если все остальное стерлось?

Пока я говорила, доктор несколько раз кивнул. Я уверена, он уже это слышал. Возможно, этот вопрос я задаю ему каждую неделю. Возможно, мы каждый раз ведем примерно одинаковый разговор.

– Память – капризная штука, – объясняет доктор. – У нас есть краткосрочная память, которая может удерживать информацию в течение минуты или около того. Но есть и долгосрочная память, которая хранит огромные объемы информации, причем, по-видимому, неограниченное время. Нам известно, что эти две функции памяти контролируются разными частями мозга, между которыми существует нейронная связь. Есть еще одна часть мозга, которая превращает краткие, преходящие воспоминания в долгосрочные, чтобы вызвать их много позже.

Он говорит быстро и гладко, ясно, что сел на своего конька. Наверное, когда-то и я была такой. Уверенной в себе.

– Есть два основных типа амнезии. В первом случае, как правило, пострадавший не может вспомнить прошлые события, причем чаще всего почти стираются события самого недавнего прошлого. Например, человек, попавший в аварию, не помнит ни само происшествие, ни события последних дней и недель, но прекрасно помнит все, что происходило, скажем, за полгода до этого.

Я киваю: понятно.

– А во втором случае?

– Это бывает реже, – отвечает он. – Иногда отмечается неспособность трансформировать краткосрочные воспоминания в долгосрочные. Люди с этой патологией живут только «в данный момент»; они могут удерживать в памяти лишь недавние события, и то на короткое время.

Он замолкает, видимо ожидая моего ответа. Будто бы нам заранее выданы четкие реплики и этот диалог разыгрывается регулярно.

– А у меня что, оба типа? – спрашиваю я. – И потеря памяти, и неспособность формировать новые воспоминания?

Доктор прокашлялся.

– Да, как ни печально. Это нетривиальный случай, но вполне допустимый. Но у вас необычен сам «рисунок» амнезии. Похоже, вы не сохранили никаких устойчивых воспоминаний о вашей жизни, кроме детства; при этом вы способны сохранять новые воспоминания совершенно оригинальным образом. Вот если бы я вышел из комнаты и вернулся через две минуты, большинство пациентов с антероградной амнезией вообще бы не помнили, что мы встречались, тем более только что. А вы, похоже, способны удерживать в памяти крупные временные отрезки – вплоть до суток, а потом они стираются. Это совсем не типично. Честно говоря, это необъяснимо с точки зрения наших представлений об устройстве памяти. Получается, что вы без труда превращаете краткосрочные воспоминания в долгосрочные. И я не понимаю, почему они не сохраняются.

Да, видно, я веду беспорядочную жизнь, но все же имеющую видимость порядка, раз произвожу независимое впечатление. Повезло мне, похоже.

– Но почему? – спрашиваю я. – Что со мной случилось?

Он молчит. В кафе совсем тихо. Воздух кажется застывшим и липким. Когда доктор начинает говорить, его голос эхом отдается от стен.

– Расстройство памяти может быть вызвано многими причинами. Как долгое, так и кратковременное. Болезнь, травма, наркотики. Конкретные причины расстройства могут быть разными, в зависимости от того, какая часть мозга повреждена.

– Да-да, – перебиваю я. – Но что произошло со мной?

Он пристально смотрит на меня:

– А что рассказал вам Бен?

Я вспоминаю наш разговор дома. *Несчастный случай*. Вот что он сказал.

– Да в общем, ничего. То есть ничего конкретного. Сказал, что это был несчастный случай.

– Да. – Доктор тянется за портфелем, который поставил под стол. – Ваша амнезия вызвана травмой. Это правда, хотя и отчасти. – Он открывает портфель и достает блокнот; сначала я думаю, что он хочет проверить свои записи, но тут он протягивает блокнот мне. – Держите. Я хочу отдать его вам. Здесь изложена вся история. Лучше, чем в моем пересказе. Подробно говорится о причине вашего состояния. Но не только.

Я беру блокнот. Коричневый, в кожаной обложке, опоясан резинкой. Я снимаю ее и открываю страницу наугад. Бумага плотная, почти незаметно линованная, убористо исписанные страницы с красными полями.

– И что это? – спрашиваю я.

– Ваш дневник. Вы ведете его уже несколько недель.

Я потрясена.

– Дневник?

Интересно, почему он находится у него?

– Да. Конспект того, чем мы занимались в последние недели. Это я попросил вас вести его. Мы провели большую работу, пытаясь выяснить точный механизм работы вашей памяти. Я подумал, вам пригодится, если он будет у вас под рукой.

Я смотрю на блокнот:

– Так это написала я?!

– Да. Я предложил, чтобы вы записывали все, что захотите. Это практиковали многие люди с потерей памяти, но, как правило, без особого успеха, ведь период запоминания у них довольно краток. Но поскольку вы способны помнить многое и в течение целого дня, я подумал: что, если вы будете записывать разные события? Вдруг это поможет вам, так сказать, протянуть ниточку памяти из одного дня в другой? Кроме того, я считаю память своего рода мышцей, которую можно укрепить тренировкой.

– А вы читали дневник в течение этого времени? – спрашиваю я.

– Нет. Вы писали его для себя.

– Но как... – Я спохватываюсь и задаю другой вопрос: – А кто напоминает мне, чтобы я писала, Бен?

Доктор Нэш мотает головой:

– Я предложил вам вести его тайно. Вы прячете его у себя дома. А я звоню вам и говорю, где он лежит.

– Ежедневно?

– Да, как правило.

– А что Бен?

– Бен не читал дневника, – после некоторого молчания говорит он.

Интересно, что такого я записываю в дневник, чего не должен знать мой муж? Что за тайны у меня от него? Тайны, неведомые мне самой.

– Но вы-то читали? – спрашиваю я.

– Вы передали его мне несколько дней назад. И сказали, что я должен его прочитать. Что время пришло.

Смотрю на дневник. Вот это да, дневник! Вот она, связь с прошлым, хотя бы и с недавним.
– Значит, вы его прочли?

– Да, – отвечает доктор. – Практически. Во всяком случае, все самое важное. – Он замолкает, смотрит в сторону, чешет затылок; ему явно неловко.

Интересно, правду ли он сказал мне о содержании дневника?

– Я только хочу подчеркнуть, – говорит он, допивая кофе, – что вы сами дали мне дневник. Я вас не принуждал.

Я киваю и молча пью кофе, рассеянно листая блокнот. На внутренней стороне обложки вижу список дат.

– А это что? – спрашиваю я.

– Дни, в которые мы встречались. И те, которые наметили на будущее. Мы назначаем их по ходу работы. Я звоню и напоминаю вам, чтобы вы заглянули в дневник.

Я вспомнила о желтой бумажке, которую нашла утром между страницами другого блокнота.

– А сегодня?

– Сегодня ваш дневник был у меня. Поэтому мы написали записку.

Я снова киваю и пролистываю дневник до конца. Убористый, незнакомый мне почерк заполняет страницу за страницей. Кропотливая, многодневная работа.

Думаю о том, как же я находила на это время, но затем вспоминаю висящую у нас на кухне доску. Ответ очевиден: у меня просто нет других занятий.

Я кладу дневник на стол. В кафе заходит парень в джинсах и футболке, мельком смотрит на нас, потом заказывает кофе и садится за столик с газетой. Больше он на меня не обращает внимания, и я, двадцатилетняя, немного огорчаюсь. Словно я стала невидимкой.

– Ну что, пойдем? – говорю я.

Мы идем обратно тем же путем. Небо нахмурилось, в воздухе паутиной висит туман. Почва под ногами немного пружинит, как будто идешь по зыбучим пескам. На детской площадке медленно вращается пустая карусель.

– Мы ведь обычно не здесь встречаемся? – спрашиваю я. – Не в этом кафе?

– Нет. Обычно мы встречаемся у меня в офисе. Выполняем упражнения, проходим тесты.

– Почему же сегодня мы здесь?

– Я просто хотел вернуть вам дневник. Меня беспокоит, что вы его лишились.

– Он что, так важен для меня?

– Полагаю, да.

Мы переходим дорогу и направляемся обратно к нашему с Беном дому. Вот и машина доктора Нэша перед входом; окна спальни выходят на крошечный садик и короткую тропинку с аккуратными клумбами. Мне по-прежнему не верится, что я здесь живу.

– Хотите зайти? – предлагаю я. – Еще по кофе?

– Нет-нет, – качает он головой, – благодарю вас. Мне пора идти, у нас с Джули планы на вечер.

Но он не уходит, стоит и смотрит на меня. У него короткая стрижка с аккуратным пробором, вертикальные полосы на рубашке сочетаются с горизонтальными на пуловере. Только сейчас я понимаю, что он всего на несколько лет старше меня – той, двадцатилетней.

– Джули – это ваша жена?

Он улыбается, качает головой:

– Нет, она моя девушка. Вообще-то, невеста. Мы помолвлены – все время забываю.

Я тоже улыбаюсь. Вот они, детали, которые я якобы должна помнить. «Мелочи». Наверное, именно такие вещи я записываю в дневник, такие маленькие «крючки», на которых и держится вся жизнь.

– Поздравляю, – говорю, и он благодарит.

У меня такое чувство, что я должна задать еще какие-то вопросы, проявить интерес. Но не вижу смысла. Все равно то, что он расскажет мне сейчас, я забуду к завтрашнему утру. У меня есть только сегодня.

– Мне нужно домой, – говорю я. – На выходные мы уезжаем на побережье. Мне нужно собираться...

Доктор улыбается:

– До свидания, Кристин. – Он хочет уйти, но оборачивается. – В дневнике записаны номера моих телефонов. В самом начале. Позвоните мне, если захотите встретиться. Для продолжения занятий, конечно. Хорошо?

– Если? – спрашиваю я и вспоминаю, что по дневнику до конца года рассыпаны карандашные заметки о назначенных сеансах. – Разве у нас не запланированы встречи?

– Вы все поймете, когда прочтете дневник, – отвечает он. – Поверьте.

– Хорошо. – Я почему-то верю ему и радуюсь этому. Радуюсь, что могу доверять не только мужу.

– Все будет, как вы захотите, Кристин. Звоните в любое время.

– Я позвоню, – говорю я.

Он машет мне на прощание, садится в машину, смотрит вполборота, разворачиваясь, выруливает на дорогу – и как не бывало.

Варю себе кофе и иду с чашкой в гостиную. Снаружи слышатся то чей-то свист, то грохот дрели, то взрывы звонкого смеха, но, когда я усаживаюсь в кресло, все превращается в слабый гул; лучи солнца робко пробиваются сквозь тюль, я чувствую их тепло на руках, на животе. Я вынимаю из сумки дневник.

Мне страшно. Я ведь не знаю, что там обнаружу. Сколько сюрпризов, возможно неприятных. Или загадок. На кофейном столике лежит альбом. Тоже с летописью моего прошлого, но по версии Бена. Интересно, прошлое в дневнике – иное? Открываю.

Первая страница не разлинована. В центре черной ручкой я написала свое имя. Кристин Лукас. Странно, что я не добавила ниже: «Личное!» или «Руки прочь!».

Но все-таки есть еще одна надпись. Неожданная. Пугающая. Самое страшное открытие этого дня. Под моим именем крупными синими буквами записано:

НЕ ДОВЕРЯЙ БЕНУ!

Но делать нечего – я переворачиваю первую страницу.

И начинаю читать свою историю.

Часть вторая

Дневник Кристин Лукас

Пятница, 9 ноября

Меня зовут Кристин Лукас. Мне сорок семь лет. У меня амнезия. Я сижу здесь, в незнакомой постели, и описываю свою жизнь; на мне шелковая ночнушка, которую мужчина, сообщивший, что он Бен, мой муж (кстати, сейчас он пошел вниз), подарил мне на 46-й день рождения. В спальне тихо, единственный источник света – лампа на прикроватном столике, приглушенный оранжевый ореол. Я словно парю в воздухе, лежа в облаке света.

Дверь спальни закрыта. Я пишу для себя. Тайком. По вдохам-выдохам дивана я слышу, как мой муж в гостиной приподнимается, тянется вперед, покашливает, воспитанно прикрывая рот. Я спрячу дневник, когда он поднимется. Суну под кровать или под подушку. Не хочу, чтобы он прочитал мои записи. И не хочу объяснять, откуда я его взяла.

Я смотрю на часы на тумбочке. Уже почти одиннадцать. Надо торопиться. Наверное, совсем скоро я услышу, что Бен выключил телевизор, потом заскрипит пол и погаснет свет. Заглянет ли он на кухню, чтобы съесть сэндвич или выпить стакан воды? Или сразу пойдет в спальню? Понятия не имею. Я не знаю его привычек. Я своих-то не знаю.

Дело в том, что у меня нет памяти. Если верить Бену и доктору, с которым я познакомилась днем, как только я усну, мой мозг сотрет все, что я сегодня узнала и сделала. Я проснусь завтра в том же состоянии, что сегодня утром. В уверенности, что я юная девушка. И впереди у меня вся жизнь с ее потрясающими возможностями.

А потом снова обнаружу, что это не так. Ведь все возможности уже использованы. Полжизни позади.

Доктора зовут Нэш. Он позвонил мне утром, посадил в машину и отвез к себе в офис. На его вопрос я ответила, что впервые его вижу; он улыбнулся – без всякой иронии – и открыл лэптоп на своем столе.

Он показал мне фильм. Точнее, видеоролик. Мы с ним сидели в тех же креслах, только были одеты по-другому. В ролике доктор Нэш дал мне карандаш и попросил нарисовать на бумаге разные фигуры, но глядя в зеркало, то есть чтобы все отображалось наоборот. Видно было, что мне трудно дается это задание, но сейчас меня интересовало не это, я неотрывно смотрела на свои огрубевшие руки и обручальное кольцо на пальце. Вот я закончила, и доктор явно чем-то доволен.

– Вы быстро схватываете, – произнес он: мол, где-то в самой глубине моего сознания хранятся результаты наших занятий, хотя сами занятия я не помню. – Это означает, что ваша долгосрочная память все-таки функционирует, – продолжил он.

Я улыбнулась ему, но как-то растерянно. Ролик закончился.

Доктор Нэш закрыл лэптоп. Он сказал, что мы встречаемся несколько недель и что у меня серьезное нарушение, как он выразился, «эпизодической памяти». Он объяснил, что это означает: я не запоминаю событий и подробностей своей биографии. Как правило, причина этого – неврологические расстройства. Структурные или биохимические. А возможно, гормональный дисбаланс. У меня редчайший случай, причем, по всей видимости, в особо сложной форме. Я спросила, что значит «особо сложной», и он сказал, что бывают дни, когда я не помню ничего, кроме событий раннего детства. Я вспомнила сегодняшнее утро, когда проснулась без всяких «взрослых» воспоминаний.

– Как часто? – спросила я.

Его молчание было красноречивее слов.

Очень.

Доктор продолжал: есть методики лечения персистирующей амнезии – медикаментозный и с помощью гипноза, но они все уже были испробованы.

– Но вам невероятно повезло, Кристин, – сказал он и объяснил, чем мой случай так разительно отличается от прочих. – Ваш набор симптомов не говорит о том, что вы утратили память навсегда. Вы можете помнить события в течение нескольких часов, пока не заснете. Вы даже можете вздремнуть – это не нарушает работы памяти. Пока не наступит глубокий сон. Это крайне необычно. Как правило, пациенты с потерей памяти не удерживают воспоминания дольше нескольких секунд.

– И?..

Он толкнул ко мне по столу коричневую записную книжку.

– Думаю, для вас будет очень полезно записывать что-то по ходу лечения: ваши ощущения, любые впечатления, воспоминания, которые вдруг всплывают. В этой книжке.

Я потянулась и взяла ее в руки. Новенькая, ни единой записи.

И это все лечение? – подумала я. Вести дневник? Я хочу помнить, а не только записывать.

Он словно прочел мои мысли:

– Кроме того, я надеюсь, что сам процесс записывания может вызвать новые воспоминания. Эффект накопления.

Я раздумывала. А собственно, какой у меня выбор? Вести дневник или оставить все как есть.

– Хорошо. Я согласна.

– Отлично. Вот я записал на обложке свои телефоны. Звоните, если понадобится помощь.

Я сказала «да» и взяла у него записную книжку, а он после паузы продолжил:

– Мы с вами здорово продвинулись в том, что касается воспоминаний о детстве. В основном мы рассматривали фотографии. – Я промолчала, и он достал из своей папки какой-то снимок. – Сегодня я хочу показать вам еще одну. Узнаете?

На фотографии дом. Сначала он мне кажется абсолютно незнакомым, но, когда я замечаю, что верхняя ступень выщерблена, меня как будто озаряет. Это дом, в котором я провела свое детство, тот самый дом, в котором, как мне показалось, я проснулась сегодня утром. Дом выглядел немного другим, нереальным, что ли, но все же это был он. У меня перехватило дыхание.

– Я жила здесь в детстве, – сказала я.

Доктор кивнул и объяснил, что мои воспоминания о ранних годах не повреждены. И попросил описать дом изнутри.

Я рассказала все, что смогла вспомнить: с порога попадаешь прямо в гостиную, в глубине небольшая столовая, гостей, как правило, вели по дорожке, что отделяла наш участок от соседского, сразу на кухню в задней части дома.

– А что еще? Что было наверху?

– Две спальни, – ответила я. – Одна сразу у лестницы, другая чуть дальше. В ванную и туалет, они в глубине дома, был проход через кухню. Раньше они находились в отдельном помещении, которое позже присоединили к главному дому, построив проход с кирпичными стенами и крышей из листового пластика.

– Дальше?

Я не понимала, чего он ждет.

– Не знаю...

Тогда он спросил, помню ли я какие-нибудь детали.

И я вспомнила.

– У мамы в кладовой стояла банка с надписью «Сахар», – начала я, – в ней она хранила деньги. Банка стояла на верхней полке, рядом с джемами. Она сама их делала. Мы собирали ягоды в лесу, куда ездили на машине. Куда точно, не помню. Мы втроем заходили далеко в лес и собирали чернику. Корзины, десятки корзин. А потом дома мама делала из ягод джем.

– Отлично, – сказал доктор, кивая. – Прекрасно! – Он что-то записывал в свой блокнот. – А что скажете об этих?

Он показал мне еще две фотографии. На одной была женщина, в которой я сразу узнала свою мать. А на второй была я. И я стала рассказывать доктору все подряд. Когда я замолчала, он забрал у меня снимки.

– Очень хорошо. Сегодня вы вспомнили о вашем детстве гораздо больше, чем обычно. Думаю, это из-за фотографий. – Он помолчал. – В следующий раз я покажу вам новые.

Я согласилась. Интересно, откуда у него эти снимки, и вообще, сколько он знает обо мне того, чего не знаю я!

– Можно, я возьму себе эту? – спросила я. – Ту, где мой старый дом?

– Конечно! – улыбнулся он и передал мне фотографию.

Я вложила ее между страницами дневника.

Доктор отвез меня домой. Он уже объяснил, что Бен не знает о наших встречах. Но по дороге добавил, что я должна хорошенько подумать, рассказать ли мужу о дневнике.

– Вам может стать перед ним неловко, – сказал он. – И вы уже не захотите записывать определенные вещи. На мой взгляд, очень важно, что сейчас вы записываете все, что приходит вам в голову. Кроме того, Бену может не понравиться, что вы решили продолжить лечение. – Он помолчал. – Возможно, вам лучше не показывать ему дневник.

– Но как я вспомню, что надо вести дневник? – спросила я, и тут меня осенило: – Вы мне напомните?

– Да, – ответил он и добавил: – Тогда вы должны сказать мне, где будете его прятать.

Мы уже подъехали к дому. Только сейчас я вдруг осознала, что это моя собственная машина.

– В шкафу, – сказала я. – Я буду держать его в глубине шкафа.

– Хорошо. Но обязательно напишите что-нибудь сегодня, прежде чем лечь спать. Иначе завтра утром это будет просто записная книжка, которая ни о чем вам не говорит.

Я ответила, что понимаю, так и сделаю, и вышла из машины.

– Удачи, Кристин! – пожелал доктор мне вслед.

Я в постели. Жду мужа. Разглядываю фотографию дома, в котором выросла. Он кажется таким спокойным, таким нормальным. И таким знакомым. *Как я попала оттуда вот сюда? Что произошло? Какая у меня биография?*

Бьют часы в гостиной. Полночь. Бен поднимается по лестнице. Сейчас я спрячу дневник в обувную коробку, которую поставлю на нижнюю полку шкафа, как пообещала доктору Нэшу. И продолжу писать завтра. Если он позвонит.

Суббота, 10 ноября

Я села за дневник днем. Бен внизу, читает. Думает, что я отдыхаю, но это не так, хотя я и утомилась. Нет на это времени. Я должна все записать, пока не забыла. Я должна вести дневник.

Смотрю на часы и записываю время. Бен предложил погулять сегодня днем. В моем распоряжении чуть больше часа.

Сегодня я проснулась, не зная, кто я такая. Открывая глаза, я готовилась увидеть угол прикроватного столика, желтую лампу, приземистый шкаф в углу комнаты, обои с ненавязчивым орнаментом из папоротников. Я ждала, что услышу, как мама суетится на кухне или как в саду насвистывает папа, подравнивая изгородь. Думала, что лежу в своей постели одна, если не считать игрушечного кролика с порванным ухом.

Не тут-то было. Наверное, я в спальне у родителей, подумала я, но тут же поняла, что ничего вокруг не узнаю. Комната мне абсолютно незнакома. Я лежала на спине и думала: «Что-то случилось. Что-то ужасное».

К тому времени, когда надо было спускаться к завтраку, я успела изучить фотографии вокруг зеркала и прочесть подписи под ними. Я уже знала, что я не ребенок и даже не юная девушка и что мужчина, который хлопчет на кухне и насвистывает под радио, не мой отец, не сосед и даже не мой парень, а муж, которого зовут Бен.

Я не решалась войти в кухню. Мне стало страшно. Ведь я увижу его впервые. Интересно, какой он? Сильно ли отличается от человека на фотографиях? Или они – тоже искаженная действительность? А что, если он старше, толще, с лысиной? Какой у него голос? Какие повадки? И вообще, удачный ли у нас брак?

Вдруг я увидела сцену: какая-то женщина – мама? – советует мне хорошо подумать. Мол, жениться – не воды напиться...

Я резко распахнула дверь. Бен стоял ко мне спиной, колдуя с лопаточкой над беконом, который шипел и шкворчал на сковородке. Он не слышал, как я вошла.

– Бен! – позвала я.

Он тут же обернулся:

– Кристин! Все хорошо?

Я не знала, что ответить, и в конце концов промямлила:

– Кажется, да.

Он улыбнулся с явным облегчением, я улыбнулась в ответ. Он выглядел старше, чем на снимках в ванной: больше морщин, больше седины, редеющие виски, но, как ни странно, казался даже более привлекательным. Челюсть тяжеловата, почти старческая, в глазах отчаяние. Я понимаю, что он напоминает мне постаревшего отца. Могло быть хуже, думаю я. Гораздо хуже.

– Ты видела фотографии? – спросил он, и я кивнула. – Не волнуйся, я все объясню. Проходи, устраивайся. – И он махнул в сторону коридора. – Там столовая. Я буду через минутку. Прихвати с собой вот это. – Он протянул мне мельницу для перца.

Вскоре появился и сам с двумя тарелками. Бледные кусочки бекона, обжаренные на собственном жире, яичница и поджаренный хлеб. Пока я ела, Бен рассказывал, как теперь протекает моя жизнь.

– Сегодня суббота, – сказал он.

Вообще-то, всю неделю он работает. Учителем в школе. Он рассказал про мобильный телефон в моей сумке, про доску для записей на кухне. Показал, где у нас хранится НЗ – две двадцатифунтовые купюры, свернутые в тугую трубочку и спрятанные за часами на каминной

полке. Потом показал альбом, в который я иногда заглядываю, чтобы вспомнить отдельные моменты моей жизни.

– Вместе мы справляемся, – закончил Бен.

Хотя и не до конца, но я ему поверила, что мне оставалось!

Мы поели, потом я помогла ему убраться.

– Попозже сходим с тобой прогуляться, – сказал он. – Ты не против?

Я сказала, что нет, и он явно обрадовался.

– Я пока читаю газету, ладно? – сказал он.

И я поднялась наверх. Как только я осталась одна, у меня пошли круги перед глазами, голова стала тяжелая и в то же время легкая, как шарик. Я ни за что не могла ухватиться. Все казалось призрачным. Я оглядывалась вокруг: вот дом, в котором я живу, но глаза ничего не узнавали. Мне вдруг захотелось убежать далеко-далеко. Надо было успокоиться.

Я села на край кровати, в которой спала. Надо ее заправить, что ли. Прибраться. Как-то занять себя. Я взяла подушку, хотела ее взбить, и в этот самый момент раздался какой-то зудящий звук.

Я не сразу поняла, что это за звук. Низкий, настойчивый. Нет, это была мелодия, тихая, приятная. Моя сумка валялась на полу, я подняла ее и поняла, что звук идет изнутри. Я вспомнила, что Бен говорил что-то про телефон.

Достала аппарат. Он светился. Я долго смотрела на него. Какая-то часть моего сознания, похороненная глубоко на задворках памяти, точно знала, от кого этот звонок. И я ответила.

Мужской голос произнес:

– Кристин? Вы меня слышите?

Я сказала «да».

– Это ваш доктор. Все в порядке? Бен с вами рядом?

– Нет, – ответила я. – Он... А в чем дело?

Мужчина представился и сказал, что уже несколько недель у нас занятия.

– Мы занимаемся вашей памятью. – Я не ответила, и он продолжил: – Вы должны мне доверять. Пожалуйста, загляните в шкаф в вашей спальне. – Он снова помолчал. – Там в самом низу обувная коробка. Откройте ее. В ней лежит ваш дневник.

Я бросила взгляд на шкаф:

– Но откуда вы знаете?

– Вы сами мне сказали. Мы встречались вчера. И вместе решили, что вы начнете вести дневник. Именно тогда вы и сказали, где будете его прятать.

Я вам не верю! – чуть не сорвалось с языка, но это было бы невежливо, кроме того, это была не совсем правда.

– Ну что, посмотрите? – спросил он, и я ответила, что посмотрю, тогда он добавил: – В таком случае не теряйте времени. И ничего не говорите Бену.

Я не нажала «отбой» и прямо с телефоном подошла к шкафу. Доктор говорил правду. В самом низу шкафа стояла обувная коробка – синяя, с крышкой от другой коробки с надписью «Scholl». А в ней лежал дневник, завернутый в кусок ткани.

– Нашли? – спросил доктор.

Я достала и развернула находку. Дневник был из коричневой кожи, видимо дорогой.

– Кристин?

– Да-да. Дневник у меня.

– Отлично. Там есть записи?

Я открыла дневник и на первой же странице прочитала: «Меня зовут Кристин Лукас. Мне сорок семь лет. У меня амнезия». Мне стало страшно и интересно. Как будто шпионишь, только за самой собой.

– Есть, – сказала я.

– Прекрасно! – воскликнул доктор, пообещал, что позвонит завтра, и мы разъединились. Я не двигалась. Опустившись на пол прямо у распахнутого шкафа, так и не убрав постель, я начала читать.

...И была ужасно разочарована. Потому что не помнила ничего из того, о чем читала. Никакого доктора Нэша, никаких кабинетов, в которых мы якобы встречались, никаких тестов, которые я вроде бы проходила. Я только что слышала голос этого человека, но не могла представить ни его самого, ни нашего разговора. Дневник читался как триллер. Но потом я нашла между страницами фотографию. Это был дом моего детства, дом, в котором я бы с такой радостью проснулась. Он был реальным, это была зацепка. Значит, я встречалась с доктором Нэшем и он дал мне этот снимок, этот осколок моего прошлого.

Я закрыла глаза. Вчера я описывала вслух свой дом, банку из-под сахара, вспоминала, как мы собирали ягоды. Помню ли я все это? Могу ли восстановить что-то еще? Надеюсь вспомнить что-нибудь новое, я подумала о маме, о папе. Появлялись безмолвные образы. Блекло-оранжевый ковер, ваза оливкового цвета. Желтый детский комбинезончик на кнопках спереди и с вышитым на груди утенком. Ярко-синее пластиковое сиденье для машины и поблекший розовый горшок.

Вещи, краски... Но ничего о моей жизни. Ничего. Я хочу видеть своих родителей, подумала я и вдруг впервые ясно осознала, что их нет в живых и я это знаю.

Я вздохнула и присела на край незаправленной кровати. Между страницами дневника лежала ручка. Почти бессознательно я взяла ее и приготовилась писать. Поднеся ручку к бумаге, я прикрыла глаза, чтобы сосредоточиться.

Именно тогда что-то произошло. Именно в этот миг мысль о смерти родителей запустила некий механизм, и я словно очнулась от долгого, глубокого сна. Ожила. И не постепенно, а резко. Как от удара током. Я вдруг очутилась не в собственной постели с открытым дневником в руках, а совсем в другом месте. Там, в прошлом, которое, как я думала, утрачено навсегда, почти осязая и чувствуя вкус окружающего. Я начала вспоминать.

Вот я прихожу домой, в тот самый дом, где выросла. Мне лет четырнадцать, я ужасно хочу поскорее дописать рассказ, над которым работаю, но вижу на столе записку:

Мы вернемся поздно. Дядя Тед заедет за тобой в шесть.

Я беру себе попить, сэндвич и усаживаюсь к ноутбуку. Миссис Ройс говорит, что я пишу ярко и неординарно, она считает, что я могла бы писать профессионально. Но я не знаю, что писать, не могу собраться. Я просто закипаю от ярости. Это всё они. Где они? Что они делают? Почему не взяли меня с собой? Я смяла листок и бросила в угол.

Картинка пропала, но тут же возникла другая. Более напряженная, более реальная. Отец везет нас на машине домой. Я сижу на заднем сиденье, уставившись в точку на лобовом стекле. То ли дохлая мошка, то ли грязь. Не важно. Я заговорила, сама того не ожидая.

– И когда вы собирались мне сказать?

Молчание.

– Мама!

– Кристин, – говорит мама. – Не надо.

– Папа! Когда вы собирались мне сказать? – (Молчание.) – Папа, ты умрешь?

Он оборачивается ко мне и улыбается:

– Нет, солнышко. Конечно нет. Разве что когда стану совсем стареньким. В окружении целой толпы внуков.

Но я знаю, что это неправда.

– Мы будем бороться, – говорит отец. – Я обещаю.

У меня перехватило дыхание. Я открыла глаза. Все, картинка исчезла, испарилась. Я сидела в спальне, в которой проснулась сегодня утром, но на секунду она показалась мне стран-

ной. Какой-то плоской. Бесцветной, лишенной энергии, словно я смотрела на старую, выцветшую фотографию. Как будто ураган из прошлого высосал всю жизнь из настоящего.

Я опустила глаза: вот он, мой дневник. Ручка выскользнула у меня из пальцев и скатилась на пол, оставив на странице неровную синюю линию. Сердце билось как бешеное. Я вспомнила! Причем что-то существенное, важное. Значит, ничего не потеряно. Я подняла ручку и начала быстро все записывать.

Пожалуй, я остановлюсь. Закрываю глаза, пытаюсь вернуть воспоминания, и у меня получается! Вот я. Вот мои родители. Мы возвращаемся домой. Все кажется не таким ярким, немного в тумане, но главное – всё на месте. Я так довольна, что все записала. Я ведь знаю, что мало-помалу воспоминание сотрется. А теперь оно не исчезнет бесследно.

Бен, наверное, уже дочитал газету. Он крикнул мне снизу, готова ли я. Я ответила, что готова. Сейчас только спрячу дневник в шкаф, надену куртку и сапоги. Позже напишу еще. Если что-нибудь вспомню.

Это написано несколько часов назад. Нас весь день не было дома, мы только что вернулись. Бен на кухне, готовит на обед рыбу. Он включил радио, ритмы джаза доносятся и сюда, в спальню, где я расположилась. Я не стала предлагать Бену свою помощь – так мне не терпелось побыстрее подняться наверх и записать все, что произошло сегодня днем. Но Бен и не возражал.

– Иди отдохни, – сказал он. – Есть будем минут через сорок пять. – (Я кивнула.) – Я позову, когда все будет готово.

Я смотрю на часы. Если писать быстро, времени мне хватит.

Мы выехали примерно в час дня. Ехали недолго, вскоре Бен припарковал машину у длинного невысокого здания; в каждом окне с широкими рамами сидело по сизому голубю, входная дверь обита рифленным железом.

– Это бассейн, – сказал Бен, выйдя из машины. – Он открыт летом. Ну что, пойдём?

Цементированная дорожка вилась вдоль подножия холма. Мы шли молча, слушая лишь карканье ворон на футбольной площадке, жалобный лай собаки где-то вдалеке да крики детей – обычный городской шум. Я думала об отце, которого уже нет, и о том, что я хотя бы помню об этом. По треку стадиона бегала девушка, я наблюдала за ней, пока ее не скрыла от нас высокая ограда; мы двинулись вверх по тропинке. Наконец появились признаки жизни: мальчик запускает воздушного змея, позади его страхует отец; девушка выгуливает на поводке маленькую собачку.

– Это Парламент-хилл, – говорит Бен. – Мы часто здесь гуляем.

Я молчала. Сквозь низкие облака город был виден как на ладони. Он казался тихим. И меньше, чем я представляла. Я могла взглядом охватить его целиком, до далеких холмов. Я видела высоченную башню компании «Бритиш телеком», купол собора Святого Павла, электростанцию в Баттерси. Они были мне смутно знакомы, хотя я не знала почему. Были и другие неизвестные мне сооружения: высоченное стеклянное здание, похожее на толстую сигару, огромное колесо обозрения – на довольно приличном расстоянии. Как мое собственное лицо, они казались чужими и одновременно знакомыми.

– Я узнаю это место, – сказала я.

– Да. Мы ходим сюда давно, и вид постоянно меняется.

Мы пошли дальше. Большинство скамеек было занято, люди сидели парами и поодиночке. Мы направились к свободной скамье почти на самой вершине и сели. Я почувствовала запах кетчупа: под скамейкой лежал недоеденный гамбургер в картонной упаковке.

Бен осторожно подобрал его, выбросил в соседнюю урну, а затем устроился рядом со мной на скамейке.

– Это Канэри-Уорф. – Он указал на здание, которое даже отсюда, издали, выглядело непропорционально высоким. – Башня была построена в начале девяностых. Там сплошь офисы.

Девяностые. Было так странно слышать небрежное упоминание десятилетия, которое прошло мимо меня. Господи, сколько же я пропустила! Новая музыка, фильмы, книги, а сколько событий! Стихийные бедствия, катастрофы, войны. Возможно, какие-то страны исчезли с карты, а я просто дрейфовала из одних суток в другие, ничего не запоминая. И главное, пропала огромная часть моей жизни! Сколько пейзажей, которые я не узнаю, хотя вижу их изо дня в день...

– Бен, расскажи мне о нас.

– О нас? Что ты имеешь в виду?

Я повернулась к нему. Холодный порыв ветра хлестнул меня по лицу. Где-то залаяла собака. Я не знала, что именно спросить, ведь он уверен, что я совсем ничего о нем не помню.

– Прости, но я ничего не знаю о наших отношениях. Ни как мы познакомились, ни когда поженились, понимаешь!

Он улыбнулся и подвинулся ко мне вплотную, мы сидели, касаясь друг друга. Потом он положил руку мне на плечо. Я занервничала, но вспомнила, что он не чужой мужик, а законный муж.

– О чем именно тебе рассказать?

– Не знаю... – сказала я. – Как мы встретились?

– Ну, мы оба были в университете, – начал он. – Ты как раз начала работу над докторской диссертацией, помнишь?

– Не помню, – помотала я головой. – Что я изучала?

– Ты окончила английское отделение, – ответил Бен.

И тут передо мной, словно вспышка, возникла сцена. Я сижу в библиотеке, ах да, кажется, я тогда писала работу по теме «Феминизм в литературе начала XX века». Хотя, возможно, эти материалы мне понадобились для рассказов; мама не поняла бы меня, но, по крайней мере, не заподозрила бы ничего неприличного. Воспоминание так и стояло перед глазами, настолько реальное, что казалось, я могу до него дотронуться. Но Бен заговорил, и все исчезло.

– Я тоже писал свою дипломную работу. По химии. Мы постоянно с тобой сталкивались. В библиотеке, в баре, повсюду. И каждый раз я поражался, какая ты красивая. Но все не осмеливался заговорить с тобой.

– Серьезно? – рассмеялась я, так как не могла представить, что могу кого-то напугать.

– В тебе было столько уверенности. И столько энергии. Ты могла часами сидеть, обложившись книгами, читала, что-то записывала, потягивая кофе из стаканчика. Ты была такая красивая. Я даже не мечтал, что ты обратишь на меня внимание. Но однажды так получилось, что мы сидели рядом в библиотеке, и ты случайно толкнула свой стаканчик, и кофе пролился прямо на мои книги и тетради. Ты так извинялась, хотя мне было все равно, потом мы вместе вытирали кофе, и я предложил купить тебе еще стаканчик. Ты сказала: «Что ты! Это я должна пригласить тебя на кофе – в качестве извинения!» Я согласился, и мы пошли в кафе. Вот так все и началось.

Я попыталась представить эту картину: юноша и девушка в библиотеке, книги в луже кофе, мы смеемся... Но не смогла, и мне стало так грустно. Я подумала: ведь у каждой пары есть своя история любви – кто с кем первый заговорил, кто что сказал, – а я ничего не могу вспомнить... Хвост воздушного змея, которого запускал маленький мальчик, затрепетал на ветру и затрещал, как гремучая змея.

– И что было потом? – спросила я.

– Ну, мы стали встречаться. Все как у всех. Я получил диплом, ты получила степень, и мы поженились.

– Как это было? Кто сделал предложение?

– Конечно я, – сказал он.

– А где? Расскажи все в подробностях.

– Мы были так влюблены друг в друга, – начал Бен, отвернувшись и глядя вдаль. – Мы все время проводили вместе. Вы с подругой снимали квартиру, но ты там почти не появлялась. Потому что практически жила у меня. Нам так нравилось жить вместе, что пожениться для нас было естественно. И вот на День святого Валентина я купил тебе мыло – особенное, дорогое, ты такое обожала, – но перед этим снял целлофановую обертку и вдавил в мыло обручальное кольцо. Потом снова красиво упаковал и преподнес тебе как подарок. А когда в тот вечер ты пошла в ванную, то обнаружила кольцо и сказала мне «да».

Я улыбнулась при этой мысли. Чепуха какая – кольцо в мыле, подумать только, я ведь могла не сразу открыть мыло, и кольцо дожидалось бы меня неизвестно сколько. Но надо признать, история была вполне романтическая.

– А с кем я снимала квартиру? – спросила я.

– Да я уже и не помню, – ответил Бен. – С подругой. В общем, на следующий год мы поженились. В Манчестере, в церкви рядом с домом твоей матери. Был чудесный день. Я тогда получал квалификацию преподавателя, денег особо не было, но нам было хорошо. В тот день сияло солнце, все были счастливы. А потом мы поехали в свадебное путешествие в Италию, на озеро. Это было потрясающе!

Я попыталась вспомнить: церковь, свадебное платье, вид из номера гостиницы. Но все напрасно.

– Я ничего не помню, – сказала я. – Прости.

Он смотрел в сторону, отвернувшись, так что я не видела его лица.

– Ничего, – наконец произнес он. – Я понимаю.

– Жаль, что нет ни одной фотографии. Ну, в альбоме. Нет фотографий со свадьбы.

– У нас в доме случился пожар, – ответил Бен. – В том, где мы тогда жили.

– Пожар?

– Да. Наш дом сильно пострадал. В огне погибли почти все вещи.

Я вздохнула. Так же нечестно: одновременно потерять и мои воспоминания, и свидетельства о прошлом.

– Что произошло потом?

– Потом?

– Да. Что было дальше? – спросила я. – После медового месяца?

– Мы съехались. Мы были очень счастливы.

– А потом?

Теперь он вздохнул. Не может быть, что это все, подумала я. Быть не может, что к этому сводится вся моя жизнь. Что это все, чего я достигла. Свадьба, путешествие, замужество. Но чего я ждала? О чем так хотела узнать от Бена?

Ответ пришел сам собой. О детях, конечно. Я вдруг с содроганием осознала: вот чего не доставало в нашей жизни, в нашем доме. Я не видела ни одной фотографии сына или дочери, ни диплома в рамочке, ни снимка, не знаю, сплава по бурной реке, что ли, ни хотя бы простого фото «для родителей» с недовольной рожицей. Фотографий с внуками тоже не видать. У меня не было детей.

Какой удар! Видимо, нереализованная мечта глубоко впечаталась в мое сознание. И хотя я проснулась, даже не зная, сколько мне лет, где-то в глубине души я была уверена, что всегда хотела ребенка.

Неожиданно я вспомнила, как мама рассказывала мне про биологические часы, словно про бомбу замедленного действия.

– Не теряй времени, добивайся того, чего хочешь от жизни, – говорила она. – До поры до времени все будет отлично, а потом вдруг...

Я понимала ее: ба-бах! Все мои амбиции испарятся, и мои мысли займет одно-единственное желание – иметь детей.

– Так случилось со мной, – говорила мама, – случится и с тобой. Так устроено природой. Но, видимо, мне не повезло. Или случилось что-то непредвиденное. Я посмотрела на мужа:

– Бен! Что было потом?

Он взглянул на меня и сжал мою руку:

– Потом ты потеряла память.

Память. В конце концов все сводится к этому. Все на свете.

Я снова посмотрела на город, раскинувшийся внизу. Солнце клонилось к горизонту, тускло сияя сквозь пелену облаков, на траву ложились длинные тени. Я поняла, что скоро стемнеет. Солнце совсем скроется, взойдет луна. Закончится и этот день. Еще один потерянный день.

– У нас не было детей, – произнесла я.

И это не было вопросом.

Он не ответил, но обернулся ко мне. Взял мои руки в свои ладони, потер их, словно согревая, и сказал:

– Нет. Не было, родная.

На его лице была грусть. Он сожалел о себе или обо мне? Я не могла разобрать. Я не сопротивлялась, не отнимала рук, пока он гладил их. Я поняла, что, несмотря на абсурдность ситуации, чувствую себя с ним в безопасности. Я видела, что он добрый человек, думающий, терпеливый. Какой бы кошмарной ни казалась моя ситуация, все могло быть намного хуже.

– Но почему? – спросила я Бена.

Он не ответил. Только посмотрел на меня, и на его лице отразилась боль. Боль и обида.

– Как все произошло, Бен? – спросила я. – Как я стала такой?

Я почувствовала его напряжение.

– Ты уверена, что хочешь знать?

Я неотрывно глядела на девочку, катающуюся вдалеке на трехколесном велосипеде. Я понимала, что не впервые задаю бедняге этот вопрос, и ему не впервой рассказывать мне все в подробностях. Возможно, я спрашиваю его об этом каждый день.

– Да, – ответила я и поняла, что сегодня кое-что будет иначе, ведь я собираюсь записать то, что он мне поведаст.

Бен сделал глубокий вздох и начал:

– Был декабрь. Скользко. Днем ты была на работе. Потом пошла домой, короткой дорогой... Свидетелей не нашли. Неизвестно, то ли ты уже переходила дорогу, то ли машина, которая тебя сбила, заехала на тротуар, но очевидно, ты перелетела через капот. Ты была в тяжелом состоянии. Сломаны обе ноги, рука и основание черепа. – Он замолчал.

Слышался далекий гул города. Неслись машины, пролетел самолет, ветер шевелил верхушки деревьев.

Бен сжал мою руку:

– По всей видимости, при падении ты ударилась именно головой, потому и потеряла память.

Я закрыла глаза. Я не помнила никакой аварии, поэтому не ощущала ни возмущения, ни даже огорчения. Как ни странно, меня наполнила тихая печаль. Пустота. Легкая рябь пробежала по поверхности озера моей памяти.

Он снова сжал мою руку, и я накрыла его руку своей, ощутив холодный металл его обручального кольца.

– Чудо, что ты выжила.

Я вся похолодела.

– А что водитель?

– Он не остановился. Скрылся с места происшествия. Мы так и не узнали, кто это был.

– Но как же так? Как это можно – сбить человека и просто скрыться?!

Бен не отвечал. Не знаю, какого ответа я ждала. Я подумала о том, что прочла о нашей встрече с доктором Нэшем. Как там он сказал: *неврологическое расстройство. Структурное или биохимическое. Гормональный дисбаланс*. Я приняла как данность, что речь идет о болезни. Что со мной произошло нечто неизбежное. *Что-то одно из вышеперечисленного*.

Но дело оказалось хуже. В этом виноват кто-то другой, этого можно было избежать. Стоило мне направиться домой по другой дороге или тому проклятому водителю выбрать иной путь, я бы осталась цела и невредима. Возможно, я бы уже стала бабушкой!

– Как? – повторяла я. – Почему?

Бен не знал ответа на этот вопрос, поэтому промолчал. Мы немного посидели, держась за руки. Темнело. Город сиял огнями, свет горел во множестве окон. Скоро зима, подумала я. Позади почти ноябрь. Потом декабрь, а там и Рождество. Я не могла представить, как провожу свою жизнь. Не могла понять, как можно жить так бессмысленно день за днем.

– Ну что, пойдем? – сказал Бен. – Пора домой.

Я не ответила.

– А где я была в тот день, когда меня сбили? – спросила я. – Что делала?

– Ты возвращалась с работы домой.

– С какой работы? Кем я работала?

– Так, временная работа секретаршей. Точнее, личным помощником. В одной юридической конторе.

– Но как...

– Ты пошла работать, чтобы мы могли расплатиться за дом, – ответил он. – Тогда нам было непросто.

Но я-то имела в виду не это. Мой вопрос был не об этом. *Ты же сказал, что я защитила докторскую по филологии. С какой стати я оказалась в такой незавидной роли?*

– Почему я работала секретарем?

– Единственная приличная работа, которую ты нашла, – ответил он. – Времена были не сахар.

Тут я вспомнила одно новое впечатление.

– А я писала? Книги? – спросила я.

– Нет, – помотал головой Бен.

Значит, это было мимолетное увлечение. А может, я попробовала, но ничего не вышло. Я повернулась было к Бену, но тут налетели тучи и раздался громкий треск. Я испуганно огляделась. В небе сверкали вспышки, осыпаясь на далекий город.

– Что это? – спросила я.

– Салют, – ответил Бен. – Сегодня ночь Гая Фокса.

Новый яркий взрыв заполнил небо, снова загрохотало.

– Похоже, сегодня будет целое шоу. Хочешь посмотрим? – предложил Бен.

Я кивнула. Ведь это не повредит, и хотя, с одной стороны, меня тянуло домой, чтобы записать в дневник то, что рассказал Бен, но с другой – внутренний голос приказывал мне остаться. Возможно, я выужу из Бена что-то еще.

– Да, – сказала я. – Давай посмотрим.

Он широко улыбнулся и обнял меня за плечи. Секунду небо оставалось черным, и вдруг будто разломилось, что-то тоненько засвистело, зашипело, и вверх взметнулась одинокая

искорка. Зависла на миг – и громко взорвалась ослепительным оранжевым букетом с гулким эхом. Это было прекрасно.

– Мы всегда ходим смотреть салют, – сказал Бен. – Этот один из самых грандиозных. Но я забыл, что он будет сегодня. – Он прижался подбородком к моей щеке. – Все хорошо?

– Да, – ответила я и снова посмотрела вниз на город, на яркие вспышки в ночном небе, визг петард, огни.

– Замечательно! Мы смотрим отсюда все фейерверки.

Бен вздохнул. Наше дыхание вырывалось изо рта двумя белыми облачками, и они соединялись в одно, пока мы сидели молча, любуясь темным небом, переливающимся разноцветными огнями. Из городских парков поднимался дым, окрашиваясь в яркие цвета – ядовито-красный, оранжевый, синий, пурпурный, – ночное небо внезапно заволочла дымка, и все пространство заполнил резкий металлический запах. Я облизала пересохшие губы, и привкус серы пробудил новое воспоминание. Пронзившее меня, как игла.

Теперь я воспринимала звуки на полной мощности, а цвета – на пределе яркости. И чувствовала себя не сторонним наблюдателем, но почти участницей событий. Мне показалось, что я падаю назад. И я вцепилась в руку Бена.

Я вижу себя рядом с молодой женщиной. У нее рыжие волосы. Мы на крыше, любуемся фейерверком. Я отчетливо слышу глухой бит в квартире под нами, дует холодный ветер, обдавая нас едким дымом. На мне только легкое платье, но я не мерзну: по телу разливается тепло от выпивки и косяка, который я зажала между пальцами. Я чувствую гравий под ногами и вспоминаю: ах да, я же скинула туфли в комнате для девушек там, внизу. Я встречаюсь взглядом со своей подругой, когда она поворачивается ко мне, и меня наполняет огромное, опьяняющее счастье.

– Криси, – говорит она, беря у меня косяк, – хочешь колес?

Я не понимаю, о чем она, так ей и говорю.

Она хохочет:

– Ну ты даешь! Колесо – таблетка, кислота. Наверняка Найдж что-нибудь принес. Он мне обещал.

– Не знаю, – говорю я.

– Да ладно! Будет зашибись!

Я смеюсь, снова беру у нее косяк и делаю большую затяжку, чтобы доказать, что я не зануда. Мы поклялись, что никогда не станем занудами.

– Да нет, вряд ли, – говорю я. – Не мое это. Я ограничусь травкой. Ну и пивом. Ладно?

– Ну хорошо, – отвечает она, глядя вниз через перила.

Я вижу, что она разочарована, но совсем не сердится. Интересно, она сама-то закинется? Без меня?

Наверяд ли. У меня никогда раньше не было близкого друга. Такого, кто знает обо мне все, кому я доверяю порой даже больше, чем самой себе. Вот я смотрю на нее, рыжие волосы развеваются, кончик косяка мигает в темноте. Довольна ли она тем, как протекает ее жизнь? Или пока рано об этом думать?

– Смотри, смотри! – кричит она, тыча в небо, там взорвалась «римская свеча», деревья выглядят черными силуэтами на фоне алого зарева.

– Охренеть, вот красотища! – восклицает она.

Я, смеясь, соглашаюсь с ней, и мы снова просто молчим, передавая друг другу косяк. В конце концов она протягивает мне замусоленный огрызок, я отказываюсь, и она затаптывает его в гравий носком сапога.

– Нам пора вниз, – наконец говорит она и хватается за руку. – Хочу тебя кое с кем познакомить.

– Что, опять! – возмущаюсь я, но покорно иду следом; мы почти перешагиваем через целующуюся пару на лестнице. – Надеюсь, это не очередной озабоченный с твоего курса?

– Ни хрена себе! – Она расхохоталась. – Я думала, Алан тебе понравился!

– Да, понравился! – сказала я. – Пока не сказал по секрету, что по уши влюблен в какого-то Кристиана!

– А, ну да. – Она снова смеется. – Но откуда я могла знать, что он решится раскрыть душу именно тебе? Нет, на этот раз все по-другому. Ты сразу влюбишься. Точно говорю. Ну просто поздоровайся с ним, и все.

– Ладно, – говорю я и толкаю дверь в квартиру; мы попадаем на вечеринку.

Мы в большом помещении с бетонными стенами, у самого потолка голые лампочки. Мы проходим на кухню, берем по пиву и устраиваемся на полу у окна.

– Ну и где этот твой красавчик? – спрашиваю я, но она не слышит.

Пиво и травка делают свое дело, и я начинаю танцевать. В комнате полно народу, почти все одеты в черное. Студенческая, блин, богема, думаю я.

Кто-то подходит и встает прямо перед нами. Я поднимаю глаза и узнаю его: это Кит. Мы уже встречались, на другой вечеринке, и кончилось тем, что мы целовались как сумасшедшие, найдя пустую комнату. Однако сейчас он болтает с моей подругой, указывая на одну из ее картин, развешенных по стенам. Интересно, он специально меня не замечает или правда не помнит? А, не важно, он придурок. Я допила пиво.

– Повторим? – говорю я.

– Ага, – отвечает моя подруга. – Сходи принеси, пока я договариваюсь с Китом. А потом познакомлю тебя с тем парнем. Ладно?

– Да, – смеюсь я. – Мне пофиг! – И отправляюсь на кухню.

Вдруг кто-то говорит громко, прямо мне в ухо:

– Кристин! Крис! Что с тобой?

Я ничего не понимаю, но голос кажется знакомым. Я открываю глаза. С изумлением вижу, что нахожусь на открытом воздухе. Ночь, Парламент-хилл, Бен что-то говорит мне, а салют окрашивает небо в кровавый багрянец.

– Ты стояла с закрытыми глазами, – сказал он. – Что случилось? Что с тобой?

– Ничего. – У меня закружилась голова, перехватило дыхание; я отвернулась от мужа, делая вид, что хочу еще полюбоваться фейерверком. – Ничего. Все хорошо. Хорошо.

– Ты вся дрожишь, – произнес он. – Замерзла? Может, пойдем домой?

Конечно, он прав. Я должна записать то, что мне сейчас привиделось.

– Да, – ответила я. – Ты не против?

На обратном пути я еще раз прокрутила в голове свое воспоминание во время фейерверка. Оно ошеломило меня ясностью и четкостью картинки. Я так быстро, так безоглядно «втянулась» в него, как будто прожила этот эпизод снова. Все ощущала, все чувствовала на вкус. Ночную прохладу и действие пива. Легкое жжение глубоко в горле из-за травки и даже теплую слюну Кита на языке. Все казалось таким реальным, чуть ли не более реальным, чем моя настоящая жизнь, в которой я очнулась.

Я точно не знала, когда это было. Наверное, в университете или вскоре после окончания. По-моему, такой и должна быть студенческая тусовка. Ни малейшего чувства ответственности. Все беззаботно. Легко.

Я не помнила имени девушки, но была уверена, что она важный для меня человек. Моя лучшая подруга. Навсегда, подумала я, хотя не помнила даже, кто она. Однако я чувствовала себя с ней совершенно спокойно, в безопасности.

Тут я сообразила: может, мы до сих пор общаемся, и попыталась расспросить об этом Бена, пока мы ехали. Он отмалчивался и казался... нет, не огорченным, скорее, задумчивым.

Я рассуждала: не рассказать ли ему о моем видении, но не решилась и лишь спросила, какие друзья меня окружали, когда мы познакомились.

– У тебя была куча друзей, – ответил Бен. – Ты была популярна.

– А у меня была подруга? Самая близкая?

Тут Бен взглянул на меня:

– Да нет, мне кажется. Любимой подружки у тебя не было.

Странно, что я не могу вспомнить ее имени, хотя помню и Кита, и Алана.

– Ты уверен? – спросила я.

– Да. Уверен. – Он уже смотрел прямо перед собой.

Начался дождь. Свет витрин и неоновых вывесок отражался на асфальте. У меня на языке вертелось множество вопросов, но я не решалась их задать, а вскоре момент был упущен. Мы приехали домой, Бен отправился готовить. Для откровений было слишком поздно.

Я как раз успела закончить писать, когда Бен крикнул снизу, что пора обедать. Он накрыл на стол, разлил по бокалам белое вино, но я была неголодна, да и рыба получилась суховата. Я почти ничего не съела. Потом я сказала, что помою посуду, раз готовил Бен. Я унесла тарелки в кухню, пустила горячую воду, думая при этом только об одном: под каким бы предлогом подняться наверх, чтобы перечитать свой дневник и, возможно, записать что-то новое. Но не получилось; если бы я постоянно сидела одна наверху, Бен заподозрил бы неладное. Так что мы провели вечер у телевизора.

Я не могла успокоиться. Все думала про свой дневник и с тоской смотрела, как стрелки часов на камине ползут от девяти к десяти, к половине одиннадцатого. Наконец, когда было почти одиннадцать, я решила, что напрасно трачу время, и сказала:

– Я, пожалуй, пойду лягу. Сегодня был длинный день.

Он улыбнулся и наклонил голову:

– Хорошо, милая. Я поднимусь через минуту.

Я кивнула, сказала: «Конечно!» – но внутри у меня все похолодело. Этот человек – мой муж, напомнила я себе. Я с ним живу. И все-таки мне почему-то казалось, что я не должна с ним спать. Я не помнила, как это у нас бывало, и не знала, чего ожидать.

Я зашла в ванную, почистила зубы, не глядя ни в зеркало, ни на снимки, развешенные вокруг. Потом прошла в спальню, взяла из-под подушки аккуратно сложенную ночную рубашку и стала раздеваться. Я хотела переодеться и забраться под одеяло до того, как он войдет в комнату. На секунду мне пришла в голову совсем детская мысль: притвориться, что я сплю.

Я сняла свитер и взглянула на себя в зеркало. Вот кремовый бюстгальтер, который я надела утром. И тут я увидела нечеткую сценку из детства: я спрашиваю у мамы, почему она его носит, а я нет, и она отвечает, что всему свое время. Как забавно, вот этот день настал, но слишком уж неожиданно. Именно это, даже сильнее, чем морщины на лице и на руках, доказывало мне, что я уже далеко не девочка, но зрелая женщина. Да, эта мягкость и округлость моей груди.

Я надела ночную рубашку, расправила ее, потом завела руки за спину и растянула бюстгальтер, ощутив тяжесть груди, растянула брюки и спустила их на пол. Я не хотела смотреть на свое тело, во всяком случае, не сегодня, поэтому просто сняла колготки и трусы, забралась под одеяло и, закрыв глаза, легла на бок, отвернувшись от двери.

Я услышала, как пробили часы внизу, и скоро в комнату вошел Бен. Я не шевелилась, просто слушала, как он раздевается, потом почувствовала, как он сел на кровать со своей стороны. Он посидел так немного, потом положил руку мне на бедро.

– Кристин, – произнес он шепотом, – ты спишь?

Я что-то пробормотала.

– Ты сегодня вспомнила какую-то подругу? – спросил он.

Я открыла глаза и легла на спину. Я видела его широкую обнаженную спину, тонкие волосы на плечах.

– Да, – сказала я.

Тогда он повернулся ко мне:

– Что же ты вспомнила?

Я пересказала ему свое видение, в общих чертах.

– Это была вечеринка, – сказала я. – Кажется, мы были студентками.

Он поднялся и повернулся, чтобы лечь в кровать. Я увидела, что он голый. Его пенис смешно болтался в гнезде темных волос, и я усилием воли заставила себя не рассмеяться. Я не могла припомнить, чтобы видела мужской член раньше, даже в учебниках, но его вид меня не шокировал. Я подумала, интересно, сколько членов я повидала в жизни, какой у меня опыт в этом плане. Как-то машинально я отвернулась.

– Ты и раньше вспоминала эту вечеринку, – заметил Бен, откидывая одеяло. – Кажется, это одно из твоих повторяющихся воспоминаний. Некоторые видения посещают тебя регулярно.

Я вздохнула. *Так что ничего нового*, вот что он хотел сказать. *Не стоит так радоваться*. Он лег рядом, под одно одеяло со мной. Но свет не выключил.

– Я часто вспоминаю те или иные вещи? – спросила я.

– Да, некоторые – почти ежедневно.

– Одно и то же?

Он повернулся ко мне, приподнявшись на локте:

– Как правило, да. Редко что-то новое.

Я перевела взгляд наверх, к потолку:

– А тебя я вспоминаю?

Он придвинулся ко мне.

– Нет. – Он взял меня за руку и сжал ее. – Но это ерунда. Я люблю тебя. Не думай об этом.

– Как же тебе со мной непросто, – произнесла я.

Он стал поглаживать меня по руке. Разряд статического электричества. Я поморщилась.

– Нет, – сказал он. – Ну что ты. Я люблю тебя.

И он вдруг крепко обнял меня и поцеловал в губы.

Я закрыла глаза. Я была в смятении. Похоже, он хотел заняться любовью. В сущности, для меня он незнакомец, хотя я прекрасно знаю, что мы ложимся в одну кровать каждый вечер много лет, с тех пор как поженились, но мое тело «знакомо» с ним меньше суток.

– Я очень устала, Бен.

Его голос стал тише, он почти шептал:

– Я знаю, дорогая моя. – Он стал целовать меня, мягко, в щеку, в губы, в веки. – Я знаю. – Его рука двигалась ниже, под одеяло, и я почувствовала, как во мне волной поднимается тревога, чуть ли не паника.

– Бен, прости меня. – Я схватила его за руку, пытаясь остановить; еле сдержалась, чтобы не отбросить ее с отвращением, но вместо этого погладила. – Я устала, – повторила я. – Не сегодня. Хорошо?

Он промолчал, но убрал руку и откинулся на спину. Чувствовалось, что он был по-настоящему расстроен. Я не знала, что сказать. С одной стороны, мне надо было извиниться, но если честно, я была уверена, что не сделала ничего зазорного. Так мы и лежали в тишине рядом, но не касаясь друг друга. Я думала: часто ли между нами так бывает? Часто ли он приходит в постель, желая заняться сексом, хочу ли я этого хоть иногда, *получается* ли у меня, всегда ли в случае моего отказа мы лежим вот так, в неловком молчании?

– Спокойной ночи, милая, – сказал он через некоторое время, и напряжение спало.

Я подождала, пока не раздастся его негромкий храп, выскользнула из постели и здесь, в комнате для гостей, записала все впечатления.

Как бы я хотела его вспомнить! Хоть на минутку.

Понедельник, 12 ноября

Часы только что пробили четыре, начинает темнеть. Пока Бен не вернулся, я пишу и перечитываю написанное, прислушиваясь, не зашумит ли его машина. Обувная коробка стоит на полу, у моих ног, из нее торчит бумага, в которую был завернут дневник. Когда Бен придет, я спрячу дневник в шкаф и скажу ему, что отдыхала. Это ложь, но вполне невинная, ведь нет ничего ужасного в том, что я хочу сохранить в тайне свои записи. Я должна записывать то, что вспоминаю. То, что узнаю. Но это не значит, что я хочу, чтобы кто-то – кто бы то ни был – это прочитал.

Сегодня я встречалась с доктором Нэшем. Мы сидели напротив друг друга, по обе стороны его рабочего стола. За его спиной стояла картотека, на которой покоилась модель черепа, разрезанного пополам, словно апельсин. Доктор спросил меня, как мои успехи.

– Хорошо, – ответила я. – Кажется.

Это был непростой вопрос, ведь я четко помнила только события нескольких часов с момента своего пробуждения. Я «познакомилась» с мужем словно в первый раз, хотя знала, что это не так: мне позвонил доктор Нэш и рассказал про дневник. А после обеда он заехал за мной и привез в свой офис.

– Я записывала все в дневник, как вы сказали. С прошлой субботы.

Он явно обрадовался:

– И как вам кажется, это идет вам на пользу?

– Думаю, да, – ответила я.

И я рассказала ему о своих воспоминаниях. О женщине на вечеринке, о том, как узнала о болезни отца. Пока я рассказывала, он делал какие-то пометки.

– А сейчас вы помните все эти события? – спросил он. – А сегодня утром помнили?

Я не отвечала. Честно говоря, я не помнила. Разве что очень смутно. Утром я прочитала свои субботние записи: как мы с мужем позавтракали, как отправились на Парламент-хилл. Все это казалось чистым вымыслом, не имеющим ко мне никакого отношения, и я стала читать и перечитывать один и тот же отрывок, стараясь как бы «закачать» его в память. Это заняло у меня больше часа.

Я читала то, что рассказал мне Бен: как мы встретились, как поженились, как жили... И ничего не чувствовала. Однако другие вещи задевали меня гораздо сильнее. Моя подруга. Я не помнила подробностей – вечеринки, фейерверка, нашего пребывания на крыше, встречи с парнем по имени Кит, – но воспоминание о ней еще теплилось во мне, и сегодня утром стали всплывать какие-то новые детали. Ее дерзкая рыжая шевелюра, одежда – всегда только черная, ремень с железной пряжкой, алая помада, ее манера курить так, как будто это самое офигительное занятие на свете. Я не помнила ее имени, зато вспомнила, как мы познакомились.

Комната была затянута сигаретным дымом, сквозь который раздавались звон и треск игровых одноруких бандитов и мурлыканье музыкального автомата. Я попросила у нее прикурить, она дала зажигалку, потом представилась и пригласила присоединиться к ее компании. Мы пили водку, пиво, а потом в туалете она держала мои волосы, пока я блевала и блевала в унитаз.

– Ну, подруга, похоже, мы с тобой закорешились! – воскликнула она со смехом. – Не с каждой я готова на такое!

Я поблагодарила ее, неизвестно за что, и вдруг выпалила:

– А у меня отец умер, – как будто это что-то объясняло.

– Черт!.. – сказала она и, мгновенно перейдя, как она прекрасно умела, от пьяной бесшабашности к деятельному участию, увела меня в свою комнату.

Мы ели тосты, пили крепкий кофе, слушали музыку и вели разговоры про жизнь, пока не начало светать.

Картины были развешены у нее по стенам, стояли за спинкой кровати, по всей комнате валялись альбомы для рисования.

– Ты художница? – спросила я.

– Поэтому я и очутилась в универе, – кивнула она.

Я вспомнила, что она говорила о факультете изящных искусств.

– Наверное, стану училкой, как все, но пока можно позволить себе помечтать, верно? – (Я рассмеялась.) – А ты, чем ты занимаешься?

– Английским.

– Ага! – воскликнула она. – Значит, будешь писать романчики или учить детишек? – Она рассмеялась, беззлобно, но все-таки я не стала откровенничать про рассказ, над которым сегодня работала.

– Не знаю. Думаю, в этом мы похожи.

Она снова рассмеялась и произнесла:

– Ну тогда за нас!

Мы чокнулись кружками с кофе, и я почувствовала, впервые за многие месяцы, что все непременно будет хорошо.

Я все это вспомнила. Я чувствовала изнеможение после огромного усилия воли, направленного на то, чтобы вытащить из недр памяти все до единой подробности и запустить механизм. Но где же воспоминания о моей жизни с мужем? Никаких следов. Перечитывание его рассказа не вызвало во мне никакого отклика. Только ощущение, что не было не только прогулки на Парламент-хилл, но и ничего того, о чем он мне там рассказал.

– Я помню какие-то вещи, – сказала я доктору. – Из юности, из того, что вспомнила вчера. Они во мне живы. Я вспоминаю все новые подробности. Но я совершенно не помню, что делала вчера. Или в прошлую субботу. Я могу попытаться визуальнo воссоздать то, что прочитала в дневнике. Но я знаю, что это не воспоминание. Что я просто это представляю.

Доктор Нэш кивнул:

– Вы помните, что происходило, например, позавчера? Может быть, какой-нибудь эпизод? Как вы провели вечер?

Я вспомнила, что записала все про то, как мы ложились спать. И ощутила себя виноватой. Виноватой в том, что, несмотря на всю доброту Бена, не могу спать с ним.

– Нет, не помню, – соврала я.

Я подумала, может, раньше он делал какие-то попытки, чтобы я растаяла, чтобы позволила любить себя? Цветы, шоколад? Может, ему приходилось каждый раз устраивать «романтические прелюдии», как в первый раз? Бедняжка, я представила, какая непростая для него задача каждый раз «соблазнять». Он ведь не может поставить песню, под которую мы танцевали на нашей свадьбе, или приготовить то самое блюдо, которое мы ели в наш первый ужин наедине, потому что я просто их не помню. В конце концов, я его жена и он не должен каждый раз уговаривать меня заняться любовью, как будто это происходит в первый раз.

Но бывает ли, что я позволяю ему заниматься со мной любовью или даже сама этого хочу? Бывает ли, что я просыпаюсь утром и знаю о нем достаточно, чтобы во мне пробудилось настоящее желание?

– Я совсем не помню Бена, – сказала я. – Я снова испугалась его сегодня утром.

– А вам бы хотелось? – спросил он и снова кивнул.

Вот это вопрос!

– Ну конечно! – воскликнула я. – Я хочу вспомнить свое прошлое. Хочу узнать, кто я. И кто мой муж. Ведь это так важно.

– Понимаю, – перебил он, помолчал, затем оперся локтями о столешницу и сложил руки в замок, будто проигрывая в голове, что мне сказать, или подбирая верные слова. – То, что вы рассказали, вселяет надежду, – начал он. – Все говорит о том, что ваши воспоминания не утрачены полностью. Вся проблема не в хранилище, а в доступе к нему.

Я переварила его слова и спросила:

– То есть мои воспоминания на месте, только я не могу до них добраться?

– Можно и так сказать. Да, – улыбнулся он.

Я ощутила отчаяние. Тоску.

– Но как же мне вспомнить больше?

Он откинулся на спинку стула и заглянул в свои записи.

– Скажите, на прошлой неделе – в тот день, когда я дал вам блокнот, – вы записали, что я показал вам фотографию дома, где вы жили в детстве? Я тогда отдал ее вам.

– Да. Записала, – ответила я.

– Вы вспомнили намного больше после того, как увидели фотографию, чем когда я просто просил вас описать ваш родной дом. – Он помолчал. – Впрочем, это неудивительно. Но мне интересно, что произойдет, если я покажу вам снимок из того времени, которого вы не помните. Интересно, вспомните ли вы что-нибудь по снимку.

Я сомневалась, не зная, куда приведет эта новая тропинка, но в то же время понимала: вообще-то, выбора у меня нет.

– Хорошо, – согласилась я.

– Прекрасно! Тогда сегодня мы посмотрим еще один снимок. – Он вытащил какую-то фотографию из файла, потом обошел стол и сел на стул рядом со мной. – Сначала вопрос: вы помните что-нибудь о вашей свадьбе?

Я заранее знала ответ: нет, не помню. Положа руку на сердце, я была уверена, что никакой свадьбы с мужчиной, которого я утром увидела в своей постели, вообще не было.

– Нет, – сказала я. – Не помню.

– Совсем ничего?

– Нет, – помотала я головой.

Он положил передо мной фотографию.

– Здесь вы поженились, – сказал он, похлопав по ней.

На снимке была церковь. Маленькая, невысокая, с миниатюрным шпилем. Никогда ее не видела.

– Ну что?

Я закрыла глаза и попыталась очистить сознание. Вижу реку. Мою подругу. Пол из черно-белой плитки. И все.

– Ничего. Я не помню, чтобы видела эту церковь.

Он был разочарован.

– Вы уверены?

Я снова закрыла глаза. Чернота. Я попыталась припомнить день своей свадьбы. Какие были мы с Беном, он в костюме, я в белом платье, как мы стояли на траве у церкви... Но все было тщетно. Меня охватила печаль. Как любая невеста, я, должно быть, готовилась к свадьбе несколько недель, выбирала платье, с нетерпением ждала примерок, заранее вызвала парикмахера, продумывала макияж. Я представляла, как мучилась с меню, как выбирала псалмы для церкви, цветы, как старалась поверить, что этот день превзойдет все мои ожидания. А теперь я даже не могу понять, как все прошло. Словно кто-то украл у меня все, ничего не оставив. Ничего, кроме мужчины, за которого я вышла.

– Нет. Я ничего не могу вспомнить.

Доктор убрал фотографию.

– Согласно данным, полученным при вашем первичном лечении, вы поженились в Манчестере, – сказал он. – Это церковь Святого Марка. Фотография свежая – другой в моем распоряжении не было. Но думаю, она выглядит примерно так же, как в то время.

– Фотографий с нашей свадьбы не сохранилось, – сказала я. Это был и вопрос, и утверждение.

– Нет. Все сгорели. Во время пожара в вашем доме вроде бы.

Я кивнула. Слова доктора как будто придали дополнительный вес этому факту. Как будто авторитет доктора Нэша был для меня намного весомее, чем все старания Бена.

– А когда я вышла замуж?

– Где-то в середине восьмидесятых.

– До несчастного случая.

Доктору было не по себе. Интересно, говорила ли я с ним когда-нибудь про аварию, из-за которой лишилась памяти?

– Так вы знаете, что привело к вашей амнезии?

– Да, – ответила я. – Я спросила об этом Бена. Позавчера. И он мне рассказал. Все это я записала в дневнике.

Доктор кивнул:

– И что вы теперь чувствуете?

– Не знаю. Я ведь не помню самой аварии, так что не ощущаю ее реальности. Я вижу только ее последствия – во что я превратилась. Я понимаю, что должна ненавидеть того, кто это сделал. Особенно учитывая, что его не поймали и он так и не был наказан за преступление. За то, что сломал мне жизнь. Но, как ни странно, я этого не чувствую. Я не могу представить себе этого человека, вообразить, как он мог выглядеть. Его как будто не было.

Он казался разочарованным.

– Вы так думаете? Что ваша жизнь разрушена?

– Да, – помолчав, ответила я. – Да, я так думаю. – (Доктор молчал.) – Разве я не права?

Не знаю, какой реакции я от него ожидала. С одной стороны, мне ужасно хотелось, чтобы он стал разубеждать меня, доказывать, что у меня вся жизнь впереди. Но он не стал. Вместо этого он посмотрел мне прямо в глаза. Только сейчас я заметила, какие у него потрясающие глаза: синие, со стальным оттенком.

– Мне так жаль, Кристин, – произнес он. – Так жаль. Но я делаю все, что в моих силах, и думаю, что смогу вам помочь. Seriously. Пожалуйста, верьте мне.

– Я верю, – сказала я. – Верю!

Я сидела, положив руку на стол, и он накрыл ее своей. Ладонь у него была тяжелая, горячая. Он сжал мои пальцы, и мне вдруг стало неловко и за него, и за себя. Я взглянула на него, его лицо выражало грусть, и только; я поняла, что это был просто порыв, молодой мужчина утешал стареющую женщину. Не более того.

– Прошу прощения, мне надо выйти в туалет, – сказала я.

Когда я вернулась, он уже налил нам кофе, и мы молча пили его, сидя напротив друг друга. Казалось, доктор не хочет встречаться со мной глазами – он углубился в изучение своих записей, неловко ерзая на стуле. Сначала я подумала, что он стесняется того, что пожал мне руку, но наконец он взглянул на меня:

– Кристин, я хотел бы задать вам вопрос. Точнее, два вопроса. – (Я кивнула.) – Во-первых, я решил написать о вас исследование. Это совершенно необычный случай в данной области, и я думаю, признание его огласке в рамках научного сообщества принесло бы огромную пользу. Вы не возражаете?

Я взглянула на стопки журналов, которые высились справа и слева на его столе, на полках, в шкафах. Значит, таким образом он решил сделать, ну... или упрочить свою карьеру? Вот

почему я здесь? Я хотела сказать ему, что нет, мне не хочется, чтобы он использовал мою историю, но в конце концов помотала головой и сказала, что не возражаю.

– Хорошо, – улыбнулся он. – Благодарю вас. Тогда второй вопрос. То есть пока это только идея. Хочу попробовать с вами кое-что новенькое. Вы не против?

– О чем вы говорите? – Мне стало не по себе, но в то же время я была рада, что он хочет поделиться со мной чем-то важным.

– Смотрите... – Он сделал паузу. – Согласно документам, поженившись, вы с Беном какое-то время жили вместе в съемном доме в Восточном Лондоне. – (Пауза. Ни с того ни с сего я услышала голос матери: «Это жизнь в грехе!» Поджатые губы, жест рукой досказали остальное.) – А потом, приблизительно через год, вы переехали в другой дом. Вы жили там довольно долго, до того дня, как произошла авария. – Он снова помолчал.

– Дом расположен сравнительно недалеко от вашего. – (Я уже догадывалась, что он собирается предложить.) – Вот я и подумал: мы могли бы съездить туда прямо сейчас, по дороге домой. Что скажете?

Что я скажу? Я сама не знала. Это был вопрос на засыпку. Я знала, что это было бы разумно, что эта поездка могла помочь в каком-то мистическом смысле, но почему-то не испытывала такого желания. Словно почувствовала, что мое прошлое таит какую-то опасность. И ехать в этот дом не стоит.

– Даже не знаю, – сказала я.

– Вы прожили там много лет.

– Знаю, но...

– Мы можем просто посмотреть на дом снаружи. Заходить необязательно.

– Заходить? – удивилась я. – Но как...

– Не волнуйтесь, – сказал доктор. – Я написал письмо нынешним хозяевам. Мы говорили по телефону. Они будут очень рады, если осмотр дома принесет какую-то пользу.

Признаться, я была удивлена таким поворотом.

– Вы серьезно?

Он покосился в сторону. Ясно, что он что-то недоговаривает. Интересно, что он пытается от меня скрыть?

– Да, – ответил он. – Кстати, не для всех пациентов я иду на такие подвиги. – Я молчала, и он с улыбкой добавил: – Кристина, я и правда думаю, что это может помочь.

Разве у меня был выбор?

По дороге я собиралась записать новые впечатления в дневник, но путь был действительно недолгий, и я как раз дочитала последнюю запись, когда мы приехали на место. Я закрыла дневник и огляделась. Дом был братом-близнецом того, в котором я проснулась утром – чуть не забыла, в котором я теперь живу, – тоже из темно-красного кирпича, с деревянной выкрашенной дверью, эркерным окном и ухоженным садиком. Разве что дом выглядел побольше, чем наш, а окно под крышей подсказывало, что там мансарда, которой у нас не было. Вот загадка: зачем надо было переезжать на каких-то пару миль практически в такой же дом? Но потом до меня дошло: это было бегство от воспоминаний. Воспоминаний о счастливом времени, до роковой аварии, когда нам было хорошо и мы жили обычной жизнью. А ведь Бен сохранил их, пусть даже только он.

И тут меня посетила надежда, что дом поможет мне что-нибудь вспомнить. Разбудить прошлое.

– Я хочу войти, – сказала я.

Здесь я останавлиюсь. Я хочу дописать, но все это слишком важно, и мне не хотелось бы торопиться, а Бен должен вернуться с минуты на минуту. Он и так задерживается. Уже стемнело, тишину улицы периодически нарушает шум мотора. Я слышу, как к домам подъезжают машины, одна за другой, скоро и Бен будет здесь. Лучше я пока прервусь и спрячу дневник понадежнее, в самую глубину шкафа.

Продолжу позже.

Я как раз накрывала коробку крышкой, когда пришел Бен – в двери повернулся ключ. Он вошел, сразу позвал меня, я крикнула, что спускаюсь. Хотя я спешила, но постаралась хорошенько спрятать коробку. Потом я тихонько прикрыла дверь шкафа и пошла вниз.

Вечер был напряженный. Пока мы ужинали, я думала, может, мне удастся вернуться к дневнику перед мытьем посуды. Но увы! Зато пока мыла посуду, мне пришла в голову мысль разыграть мигрень. К счастью, когда я закончила прибираться в кухне, Бен сказал, что ему нужно поработать в кабинете. Я вздохнула с облегчением и сказала, что иду спать.

Я и правда забралась в постель. Мне слышно, как Бен щелкает по клавишам компьютера – какой приятный, успокаивающий звук! Я уже перечитала то, что написала до прихода Бена, и снова живо представила, как стояла сегодня перед домом, в котором некогда жила. Теперь я могу все подробно записать.

Все случилось на кухне...

Доктор позвонил в дверь – очень резкий звонок, – и хозяйка дома Аманда, в блузке кремового цвета, с золотыми украшениями, тут же открыла дверь. Она пожала руку доктору Нэшу и кивнула мне с выражением жалости, смешанной с восхищением.

– О, вы, должно быть, Кристин! – воскликнула она, склонив голову чуть набок и протянув мне руку с идеальным маникюром. – Прошу вас! – Закрыв входную дверь, она представилась и добавила: – Вы можете оставаться здесь столько, сколько нужно. Договорились?

Я кивнула и огляделась. Мы стояли в ярко освещенной прихожей, устланной ковром. Поток солнца падал сквозь панорамное окно прямо на букет алых тюльпанов на декоративном столике. Молчание было долгим и неловким.

– Дом прелестный, – наконец произнесла Аманда, и на миг мне показалось, что мы с доктором Нэшем – потенциальные покупатели, а она – риелтор, умело ведущий переговоры. – Мы купили дом почти десять лет назад. Мы его обожаем. Он такой светлый! Не хотите пройти в гостиную?

Мы последовали за хозяйкой. Гостиная была большая, обставленная со вкусом. Но я не ощущала ничего, никакого смутно знакомого чувства. Это могла быть комната в любом доме, в любом городе.

– Большое спасибо, что разрешили нам посмотреть дом, – сказал доктор Нэш.

– О, ну что вы! – воскликнула женщина с забавным смешком.

Я подумала: она, наверное, катается верхом или любит возиться с цветами.

– Вы многое изменили в доме с тех пор, как въехали? – поинтересовался доктор.

– Не очень, – ответила она. – Так, кое-что.

Я бросила взгляд на шлифованный паркет и белые стены, на светло-бежевый диван, современные картины на стенах. Представила дом, откуда уехала утром, – и поняла, что он ничуть не похож на этот.

– Вы помните, как здесь все было, когда вы переехали? – спросил доктор Нэш.

– Не очень хорошо, к сожалению, – вздохнула Аманда. – На полу был ковролин, песочного цвета кажется. А на стенах обои. Насколько я помню, в полоску.

Я попыталась представить комнату, которую она описала. Ничего.

– Тут был камин, мы его убрали. А теперь я жалею. Он бы добавил уюта.

– Кристин, – позвал доктор Нэш, – что-то вспоминаете? – (Я покачала головой.) – Может, имеет смысл пройтись по всему дому?

Мы пошли на второй этаж. Там были две комнаты.

– Джайлз часто работает дома, – проговорила Аманда, когда мы заглянули в первую; большую часть комнаты занимали письменный стол, картотека и книги. – Кажется, у прежних хозяев здесь была спальня. – Она взглянула на меня, но я ничего не сказала. – Эта комната чуть больше, чем вторая, но Джайлз не может здесь спать: она выходит прямо на дорогу. – Аманда помолчала. – Он архитектор. – (Я тоже молчала.) – Какое совпадение, – продолжала хозяйка. – Муж купил этот дом тоже у архитектора! Мы познакомились с ним, когда приехали смотреть дом. Джайлз сразу с ним подружился. Уверена, нам удалось сбить цену на несколько тысяч исключительно из-за общности интересов. – (Еще одна пауза. Не знаю, может, она ждала благодарности.) – Джайлз открывает собственное бюро.

Архитектор, подумала я. Архитектор, а не учитель, как Бен. Наверное, Бен продал дом не этим людям. Я попыталась представить кровать вместо стола со стеклянной столешницей, обои и ковер вместо деревянных панелей и выкрашенных в белый цвет стен.

Доктор Нэш повернулся ко мне:

– Ну что?

Я снова помотала головой:

– Ничего. Я ничего не могу вспомнить.

Мы зашли во вторую комнату, потом в ванную. Во мне ничего не щелкнуло, и мы вернулись вниз, на кухню.

– Может быть, все-таки выпьете чая? – спросила Аманда. – Я буду рада. Все уже готово.

– Нет, спасибо, – ответила я.

Помещение было нарочито простым. Резкие линии. Техника белая, хромированная. Рабочая поверхность напоминала цементный блок. Единственным цветным пятном была широкая ваза с лаймами.

– Наверное, мы уже скоро пойдем.

– Да, конечно, – сказала Аманда.

Ее активная готовность помочь уступила место разочарованию. Мне даже стало неловко. Она явно рассчитывала, что визит к ней станет чудом, которое меня исцелит.

– Могу я попросить стакан воды? – попросила я.

Она тут же просияла:

– Ну конечно! Позвольте, я налью!

Она протянула мне стакан с водой, и в ту самую секунду, в тот миг, когда я взяла у нее стакан, это произошло.

Аманда и доктор исчезли. Я была одна. На столе, на овальном блюде, влажно поблескивала разделанная тушка рыбы. Я услышала чей-то голос. Мужской голос. Мне показалось, что он принадлежит Бену, но лет на тридцать моложе.

– Белого вина открыть? – крикнул он. – Или красного?

Я обернулась и увидела, как он входит в кухню. В ту самую кухню, где я только что стояла рядом с Амандой и доктором Нэшем. Правда, стены теперь были другого цвета. В каждой руке Бен держал по бутылке вина, это был тот же, знакомый мне Бен, но очень стройный, почти без седины и с усиками. И он был голый. Его член был возбужден и забавно подпрыгивал при каждом шаге. У него было гладкое, молодое тело, мышцы груди и рук четко очерчены, и меня просто захлестнуло желание. Я судорожно вздохнула – и рассмеялась.

– Ну что, белого? – Он тоже рассмеялся, затем поставил бутылки на стол и подошел вплотную ко мне.

Он крепко обнял меня, я закрыла глаза, мой рот невольно приоткрылся, и я стала жадно целовать его, тут же почувствовала, как его член уперся мне между ног, и обхватила его рукой.

Но даже в тот момент, когда мы целовались, я думала про себя: «Я должна запомнить эти ощущения. И записать все подробно. Я обязательно все запишу».

Я вся подалась к нему, он начал раздевать меня, пытался расстегнуть молнию на платье...

– Ты что! – сказала я. – Не надо... – Но, произнося эти слова, пытаюсь остановить его, я в то же время точно знала, что еще никогда так не хотела ни одного мужчину. – Идем наверх, – прошептала я. – Быстро!

Мы пошли на второй этаж, на лестнице он сорвал с меня остатки одежды, и вот мы уже в спальне с серым ковролином и обоями с синим рисунком... И все это время я продолжала думать: вот что я должна описать в своем новом романе, я должна запомнить свои ощущения.

Тут я споткнулась. Раздался звук разбитого стекла, и видение испарилось. Словно пленка с фильмом прокрутилась до конца, на экране запестрели помехи, точки, беспорядочные тени. Я открыла глаза.

Я стояла на том же месте, на кухне, но передо мной снова был доктор Нэш, чуть поодаль Аманда, оба не сводили с меня тревожных, испуганных глаз. Это я разбила стакан с водой.

– Кристин, с вами все в порядке? – спросил доктор Нэш.

Я молчала. Я не знала, что должна чувствовать. Ведь сейчас впервые я по-настоящему вспомнила своего мужа.

Я снова закрыла глаза и попыталась вернуть эту сцену. Тушка рыбы, вино, мой муж, усы, его нагота, болтающийся пенис – но ничего не вышло. Воспоминание исчезло, испарилось, словно его и не было, словно настоящее поглотило его без следа.

– Да, – ответила я. – Все в порядке...

– Что случилось? – перебила Аманда. – Что с вами?

– Я кое-что вспомнила.

Руки Аманды взметнулись ко рту, на лице восторг.

– Правда?! Как замечательно! – воскликнула она. – Что же вы вспомнили?

– Прошу вас... – вмешался доктор, шагнул вперед и взял меня за руку; разбитый стакан хрустнул у него под ногами.

– Своего мужа. Я вспомнила своего мужа.

Аманда была явно разочарована. Казалось, она хочет сказать: *и это все?*

– Доктор Нэш, я вспомнила Бена! – Меня начало трясти.

– Отлично, – сказал он. – Отлично! Потрясающе!

Мы все вместе вернулись в гостиную. Я опустилась на диван. Аманда принесла мне горячего чая и тарелку с печеньем. Конечно, она не понимает, думала я. И не может понять. Я ведь вспомнила Бена. И себя, совсем молодую. Как мы с ним были *вместе*. Теперь я знаю, что у нас была любовь. Мне не нужны другие доказательства. То, что я увидела, было так важно! Вряд ли эта женщина когда-нибудь испытает подобное.

Всю обратную дорогу домой у меня было приподнятое настроение. Я была заряжена какой-то нервической энергией. Я смотрела на мир вокруг – незнакомый, загадочный, чужой, – но он таил для меня не угрозу, а море возможностей. Доктор Нэш сказал, что, по его мнению, это очевидный прогресс. Он просто сиял. «Прекрасно! – все повторял он. – Прекрасно!» Я не была уверена, о чем он говорит: о моем прорыве или о самом себе, о своей карьере. Он сказал, что хочет, чтобы я прошла сканирование, и, почти не думая, я согласилась. Он дал мне мобильный телефон, сказал, что это бывший телефон его девушки. Он был не такой, как тот, что я получила от Бена. Поменьше, и, чтобы открыть кнопки и экранчик, надо было сдвинуть крышку вверх. «Будет запасной, – сказал он. – Звоните в любое время. Когда посчитаете нужным. И носите его с собой. Я буду звонить на него, чтобы напоминать про ваш дневник». С тех пор прошло несколько часов. И я успела понять: он дал его, чтобы иметь возможность звонить мне без ведома Бена. Он открыто об этом сказал: «Вчера я позвонил, и трубку снял Бен. Это не очень удобно. Так нам будет проще». И я не стала задавать новых вопросов.

И все же главное: я вспомнила Бена. Вспомнила, что любила его. И может быть, сегодня ночью, когда мы ляжем в постель, я постараюсь загладить свой вчерашний отказ. Теперь меня переполняют эмоции. Мне хочется жить.

Вторник, 13 ноября

Сейчас день. Скоро Бен вернется домой с работы. Я сижу и записываю свои мысли. Когда я завтракала, позвонил мужчина, назвался доктором Нэшем и рассказал, где найти дневник. Я сидела в гостиной и сначала не поверила, что он действительно меня знает. «Откройте обувную коробку на дне шкафа в спальне, – сказал он. – Там лежит ваш дневник». Я снова не поверила, но доктор сказал, что не повесит трубку, пока я не посмотрю. И он не соврал. Дневник лежал в коробке, завернутый в бумагу. Я достала его с осторожностью, как драгоценность, попрощалась с доктором, опустилась на колени прямо у шкафа и прочитала за один присест. От корки до корки.

Мне было страшно, не знаю почему. Дневник казался мне чем-то запретным, опасным, хотя, возможно, причиной тому была особая осторожность, с которой я его спрятала. Я периодически отрывалась от чтения, чтобы посмотреть на часы, а как только услышала шум машины внизу, снова завернула дневник в бумагу и положила в коробку. Но сейчас я спокойна. Я пишу, сидя на подоконнике в спальне, точнее, в эркере. Здесь мне уютно, может, я часто провожу здесь время. Отсюда видна вся улица: направо идет вереница деревьев, за которыми просматривается парк, налево – дома, еще дальше – другая, более загруженная дорога. Я вдруг поняла, что, хотя веду дневник втайне от Бена, не случится ничего страшного, если он о нем узнает. Ведь он мой муж. И я верю ему.

Я перечитала пассаж о своих приподнятых чувствах вчера по пути домой. Они исчезли. Сейчас я просто умиротворена. Спокойна. Мимо едут машины. Иногда появляется прохожий, мужчина, насвистывающий мелодию, молодая мамаша, ведущая ребенка в парк, а какое-то время спустя – обратно. Далекий силуэт снижающегося самолета кажется нарисованным.

В домах напротив окна пока темные, на улице тихо, если не считать посвистывания соседа да беспокойного лая собаки. Утренняя суета с ее полифонией – хлопанье дверей, разноголосица прощальных слов, рев моторов – улеглась. Мне кажется, я одна в целом мире.

Начинается дождь. Крупные капли падают на стекло снаружи перед моим лицом, а через мгновение, смешиваясь с новыми, стекают неторопливым ручейком на подоконник. Я прижимаю ладонь к холодному стеклу.

Я бесконечно далека от реального мира.

Я прочитала о нашей поездке в дом, где мы жили с мужем раньше. Неужели эти слова были написаны только вчера? Не могу поверить, что это написала я. Я прочитала описание всего дня, который тогда вспомнила: как мы целовались с Беном – в доме, который купили вместе, боже, как давно это было! Закрыв глаза, я поняла, что способна восстановить эту сцену. Поначалу вокруг лишь неясные тени, но постепенно видение становится четче, объемнее, наполняясь изнутри какой-то безумной интенсивностью. Бен срывает с меня одежду, обнимает меня, его поцелуи все более долгие, страстные. Я вспомнила, что мы тогда забыли и про рыбу, и про вино; закончив, мы еще долго были в постели: наши ноги переплетены, моя голова лежит на его груди, он гладит мои волосы, на моем животе постепенно подсыхает его сперма. Мы ничего не говорим. Мы как будто окружены облаком счастья.

– Я люблю тебя, – произносит он шепотом, словно никогда прежде не произносил этих слов. И хотя он наверняка говорил их мне много-много раз, сейчас они звучат по-новому – как запретные, опасные.

Я смотрю на него: ямочка на подбородке, губы, такая знакомая линия носа...

– Я тоже тебя люблю, – прошептала я, уткнувшись лицом ему в грудь, словно сберегая драгоценные слова.

Он крепко прижал меня к себе и нежно поцеловал. В макушку, в бровь. Я закрыла глаза, и он стал целовать мои веки, еле касаясь губами. Мне было так хорошо, так уютно. Казалось,

вот здесь, на его груди, самое лучшее место для меня. И самое желанное на свете. Мы еще немного полежали в молчании. Мы словно срослись кожей, даже дышали в унисон. Было полное ощущение, что это мгновение продлится вечно, но даже вечности будет мало.

Молчание нарушил Бен.

– Ну, мне пора, – сказал он.

Я открыла глаза и взяла его за руку. Какая теплая. И мягкая. Я поднесла ее к губам и поцеловала. Кожа пахла алкоголем и землей.

– Уже?

– Да. – Он поцеловал меня. – Уже довольно поздно, милая. Я не хочу опоздать на поезд. Я словно опустилась с небес на землю. Расстаться сейчас! Невозможно!

– Останься еще! – взмолилась я. – Сядешь на следующий.

– Не могу, Крис, – рассмеялся он. – Ты же знаешь.

Я поцеловала его:

– Знаю, знаю.

Когда он ушел, я приняла душ. Я не торопилась, медленно намыливаясь, ощущая, как по моей коже струится вода, словно нечто неизведанное. В спальне я побрызгалась духами, надела ночную рубашку, халат и только потом спустилась вниз, в гостиную.

Уже стемнело. Я включила свет. На столе стояла пишущая машинка, в каретку был заправлен чистый лист. А справа лежала стопка отпечатанных листов чистой стороной вверх. Я села за машинку и набрала текст. *Глава вторая.*

Я остановилась. Пока не знала, что писать дальше, с чего начать. Я вздохнула, опустив пальцы на клавиатуру. Ощущения были такие привычные, ее прохлада, гладкость, податливые углубления клавиш. Я закрыла глаза и начала печатать.

Мои пальцы так и порхали по клавишам, словно сами по себе. Открыв глаза, я прочитала первое сегодняшнее предложение:

Лиззи не осознавала, что она натворила, и не представляла, как избежать последствий.

Я прочитала его еще раз. Отличное предложение. Читается хорошо.

Бред какой-то! – подумала я. И разозлилась. Я ведь знала, что способна на большее. Точно знала: позапрошлым летом я писала взахлеб, слова сыпались из-под пальцев на бумагу, словно конфетти. Не то что сейчас. Что-то было не так. Язык стал какой-то деревянный. Неповоротливый.

Я достала карандаш и медленно зачеркнула все предложение. Это действие немного меня успокоило, но теперь я осталась ни с чем, неизвестно, с чего начать.

Я поднялась, прикурила сигарету из пачки, забытой Беном на столе. Я глубоко затянулась, задержала дыхание, выпустила дым. Я даже пожалела, что у меня нет травки, и подумала, что в следующий раз надо раздобыть немного. Потом решила выпить – плеснула чистой водки в стакан для виски и сделала глоток. Ну и хватит. Творческий затык, подумала я. Ну почему я превратилась в бездарность?

В последний раз. Как же у меня тогда получалось? Я подошла к книжному стеллажу, который занимал всю стену, и, зажав сигарету губами, взяла книгу с верхней полки. Если ответ не здесь, где же еще?

Я поставила стакан с водкой и повернула книгу обложкой вверх. Слегка погладила ее, как что-то очень хрупкое, провела пальцами по буквам заглавия. «„Для ранних пташек“, – прочитала я. – Кристин Лукас». Я открыла книгу и начала ее листать.

Видение исчезло. Я открыла глаза. Я находилась в мрачной серой комнате и пыталась восстановить дыхание. Смутное удивление по поводу того, что я когда-то курила, – ничто по сравнению с другим открытием. Неужели это правда? Я написала роман? И его издали? Я резко поднялась; дневник соскользнул с моих колен на пол. Если так, значит я не пустое место, у

меня была настоящая жизнь, у меня была цель, и я добилась успеха. Я стремглав бросилась вниз по лестнице.

Но правда ли это? Бен не упоминал об этом утром! Ни слова о том, что я стала писательницей. Утром я читала о нашей прогулке на Парламент-хилл. Там он рассказал мне, что вплоть до аварии я работала секретаршей.

Я пробежала глазами по корешкам книг в гостиной. Словари. Атлас. Путеводители. Несколько романов в твердой обложке, судя по их состоянию, нечитанные. Но ни одной книги под моей фамилией. Никаких доказательств, что существует мой опубликованный роман. Я металась по комнате, как испуганная птица. «Книга должна быть здесь! – стучало в голове. – Она здесь!» Но тут меня осенило. Не исключено, что мое видение отражало не реальность, а выдумку! Возможно, мое сознание не могло зацепиться за действительные события, и потому мозг создал собственную их версию. Подсознание подбросило идею о писательском успехе, потому что это была моя заветная мечта.

Я побежала обратно наверх. Полки в кабинете были заняты папками с файлами и самоучителями по компьютерам; в спальне вообще не было книг, как я поняла еще утром, когда обследовала дом. Я застыла на мгновение, потом увидела на столе компьютер, мертвый, с темным экраном. Как ни странно, я как будто знала, что надо делать. Я нажала кнопку на блоке питания под столом, машина послушно загудела, и через секунду загорелся экран. Из динамиков, стоящих слева и справа, зазвучала приятная музыка, потом появилась картинка. Это была фотография нас с Беном, мы улыбались. Наши лица закрывал прямоугольник. В нем я прочитала: *Имя пользователя*. И ниже другое слово: *Пароль*.

В моем недавнем видении я печатала на машинке, и мои пальцы плясали по клавишам почти инстинктивно. Я перевела мигающий курсор в окошко *Имя пользователя* и приготовилась начать. Интересно, умею ли я печатать? Я опустила пальцы на выпуклые квадратики клавиш. Они двигались без труда, мизинцы легли на нужные клавиши и остальные пальцы естественным образом заняли свои места. Я закрыла глаза и, почти не думая, начала печатать, прислушиваясь только к своему дыханию и легкому щелканью клавиш. Закончив печатать в окошке, я посмотрела, что же получилось. Думала, что бессмысленные символы, но увиденное поразило меня.

Съешь ещё этих мягких французских булок да выпей чаю.

Я уставилась на экран. Значит, это правда. Я умею печатать! И возможно, мое видение – все же не фантазия, а воспоминание.

Возможно, я написала роман.

Я побежала в спальню. Это какой-то бред! На секунду меня охватило чувство, что я схожу с ума. То я была уверена, что роман существует, то сомневалась. Книга казалась мне реальной и в то же время плодом фантазии. Я не помнила никаких подробностей, ни сюжета, ни героев, даже не помнила, почему выбрала такое название, и все же чувствовала, что он есть, словно орган внутри меня, словно сердце.

Но почему же Бен мне ничего не сказал? Почему не поставил книгу на видное место? Я представила, что книги лежат где-то в доме, бережно завернутые в бумагу, в коробке, может, в подвале или на чердаке.

И тут меня потрясла простая мысль. Бен сказал, что я работала секретарем. Возможно, этим и объяснялось мое умение печатать – только этим.

Я вытащила из сумочки телефон, не посмотрев какой и почти не задумавшись, кому позвонить. Мужу или доктору? Сейчас они оба были мне чужими людьми. Я открыла мобильный с крышкой, пролистала меню, пока не увидела знакомое имя, и нажала кнопку вызова.

– Доктор Нэш, это Кристин, – сказала я, когда он ответил; он начал что-то говорить, но я перебила его: – Скажите, я когда-нибудь писала?

– Что, простите? – Его голос звучал смущенно, и на секунду мне показалось, что произошла дурацкая ошибка; в панике я подумала, а знает ли он вообще, кто я, но тут услышала: – Кристин, это вы?

Я повторила свой вопрос.

– Понимаете, я кое-что вспомнила. Очень давно, когда мы только начали встречаться с Беном, я писала книгу. Роман. Это действительно так?

Он как будто не понимал, о чем я.

– Роман?

– Да. Я вроде бы вспомнила, что в молодости мечтала стать писательницей. И просто хотела узнать, написала ли я хоть одну книгу. Бен говорил, что я работала секретаршей, но я подумала, может...

– Как, он вам не рассказал?! – воскликнул доктор. – Когда произошел несчастный случай, вы работали над вашим вторым романом. Первый вышел в свет. И имел успех. Не скажу, что он стал бестселлером, но успешным – точно.

Слова доктора нанизывались друг на друга, как пирамида. Роман. Успех. Вышел в свет. Значит, это правда, память меня не подвела. Я не знала, что сказать. И что теперь думать.

Я попрощалась с доктором и пошла сюда, наверх. Чтобы все записать.

На прикроватных часах половина одиннадцатого. Наверное, Бен скоро поднимется наверх, но я продолжаю сидеть на краю постели и писать. Я говорила с ним после обеда. Весь день я была как на иголках, ходила из комнаты в комнату, рассматривая предметы, словно впервые, и все удивляясь, зачем было с такой тщательностью прятать все, что могло напомнить о моем успехе? Абсолютно непонятно. Он этого стыдился? Стеснялся? Может, в книге было много личного, о нашей с ним жизни? Или причина крылась в чем-то ином? И все было сложнее, чем я думала?

К тому времени, когда Бен вернулся домой, я решила прямо спросить его. Но сейчас... Мне кажется, я не смогу. Получается, я хочу обвинить его во лжи.

Поэтому я решила зайти издалека.

– Бен, а чем я зарабатывала на жизнь? – спросила я; он поднял глаза от газеты. – У меня была работа?

– Да, – ответил он. – Какое-то время ты работала секретарем. Сразу после нашей свадьбы. Я старалась говорить спокойным тоном.

– Вот как? Знаешь, а у меня такое ощущение, что я могла бы писать.

Он сложил газету, полностью переключив внимание на меня.

– Ощущение?

– Да. Я отлично помню, как любила книги в детстве. И мне смутно кажется, что я хотела стать писателем.

Он потянулся через стол и участливо взял меня за руки. И смотрел так грустно-грустно. *Мне так жаль!* – читалось в его глазах. *Не повезло тебе. И боюсь, тебе не на что надеяться.*

– Ты уверен? – начала я. – Я так ясно помню...

Тут он перебил меня:

– Кристин, дорогая, ну что ты выдумываешь...

Остаток вечера я молчала, прислушиваясь к собственным мыслям. Почему он так поступает? Почему упорно не признает тот факт, что я писала? Почему?! Я взглянула на мужа, он задремал на диване, негромко похрапывая. И почему я не сказала ему, что мне известно о романе? Неужели я и тогда мало ему доверяла? Я ведь вспомнила, как мы лежали, крепко обнявшись, шепча друг другу о любви, а за окном постепенно спускался вечер. Как же мы могли докатиться до *такого*?

Но потом я представила, что было бы, наткнись я случайно на свою книгу в шкафу или где-то на полке. Что бы я сказала самой себе? Ничего, кроме: *Посмотри, как низко ты пала. Посмотри, что сулило тебе будущее, пока автомобиль на скользкой дороге не перечеркнул все в один миг, превратив тебя в никчемное существо...*

Вряд ли это вызвало бы у меня восторг. Думаю, у меня началась бы истерика – и все пошло бы гораздо хуже, чем сегодня, когда я узнавала правду постепенно. Я бы кричала и плакала. Это был бы просто кошмар.

Неудивительно, что Бен хотел скрыть от меня этот факт. Я представила, как он собирает все экземпляры романа и сжигает их на металлической решетке для барбекю на заднем крыльце, раздумывая, что бы мне сказать. Какая версия прошлого стала бы для меня наименее болезненной. Версия, в которую я буду верить до конца своих дней.

Но теперь-то все открылось. Я знаю правду. Свою, настоящую – не ту, что мне навязали, а ту, что вспомнила я сама. И теперь она сохранена, если не в моей памяти, так в этом вот дневнике. Теперь она не истает, как дым.

Я вдруг понимаю, что дневник, который сейчас веду, – моя вторая книга, как я теперь с гордостью осознаю, – может принести мне не только пользу, но и навлечь опасность. Это не фантазии. В нем есть правда, о которой, возможно, лучше не говорить. Тайны, которым лучше не выходить на свет.

И все же – я вожу и вожу ручкой по странице.

Среда, 14 ноября

Сегодня утром я спросила Бена, носил ли он когда-нибудь усы. Я еще не совсем пришла в себя, точно не знала, что правда, а что нет. Я проснулась довольно рано и, в отличие от предыдущих дней, не будучи в иллюзии, что я все еще девочка. Я ощущала себя взрослой. Сексуальной. Первый вопрос, родившийся в моей голове, был не «Почему я в постели с мужчиной», но «Кто он такой?» и «Как с ним было?». В ванной я с ужасом увидела свое отражение, но снимки вокруг зеркала в общем соответствовали истине. Я увидела подпись под одним из снимков – *Бен*, – и имя показалось мне знакомым. Мой возраст, брак, все эти факты я как будто вспоминала, а не слышала впервые в жизни. Да, они были как будто «зарыты», но неглубоко.

Доктор Нэш позвонил мне, как только Бен ушел на работу. Он рассказал мне про дневник, мы договорились, что он заедет позже и отвезет меня на сканирование, и после этого я принялась за чтение. Несколько эпизодов я как будто почти вспомнила; кроме того, я вспомнила, как писала целые абзацы. Значит, какие-то крупницы памяти пережили эту ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.